A stylized illustration of children playing in a forest. The background is a deep teal color. Several tall, thin, light-colored tree trunks are scattered across the scene. In the upper left, three children are running: a girl in a blue dress, a girl in a red dress with white polka dots, and a boy in a white shirt and brown pants. In the lower right, a boy in a red and blue plaid shirt and black pants is crouching, looking down at a small yellow duck with red feet. The duck is facing right. The overall style is simple and illustrative, typical of children's book covers from the mid-20th century.

А. КОТОВЩИКОВА

БЕЛАЯ СТАЯ

ДЕТГИЗ 1962

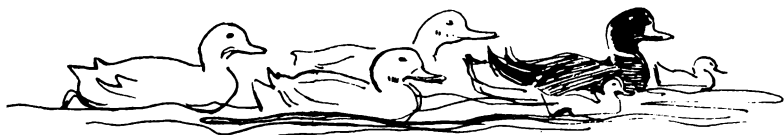

А. К О Т О В Щ И К О В А

БЕЛАЯ СТАЯ

Рисунки Л. Подляской

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАД
1962

ОТ АВТОРА

Прошлым летом приехала я в один совхоз под Ленинградом: Местность там лесистая и удивительно красивая. Под вечер пошла прогуляться за село, к озеру. Солнце уже садилось. Небо оранжевое, лёгкие облачка плывут по нему, как розовые лодочки. А тишина кругом — ни одна травинка, ни один листок не шелохнутся. И вдруг в этой тишине раздалось:

— Уть-уть! Уть-уть!

Жалобно так и в то же время настойчиво, терпеливо — видно, давно кличет. По голосу слышно, что девочка зовёт.

А через минуту она и сама вышла из кустов. Загорелая, в красном сарафанчике, с льняными косичками. Выражение лица у неё огорчённое, усталое, но упрямое. Меня девочка не видела.

Только я хотела с ней заговорить, как смотрю — двочек уже две: из кустов и вторая выбралась. Эта — стриженная; большеглазая. Вдохнула и спрашивает:

— Таня, ты пойдёшь когда-нибудь домой?

— Поищу немножко, — отвечает светловолосая. — А ты ступай, Светочка!

— Нет уж! Бросить я тебя не могу!

Тут я их и окликнула:

— Здравствуйте, девочки. У вас все ребята такие дружные — бросить друг друга не могут?

Девочки переглянулись.

— Люба с Сашкой всё время ссорятся, — сказала Таня. — Но...

— А Витя на Сашу насакивает часто, — перебила Света.

— Но зато он очень умный. Первый отличник. Не то что Сенька бедняга, растяпушка...

Девочки дружно засмеялись.

Мы сели на траву, и девочки мне о многом рассказали.

Но ещё больше я увидела сама. Обо всём постепенно узнала — и почему Таня утят искала, и как ребята этих утят выращивают, и как пришлось спасать, да не только утят, а и самих ребят тоже... А Витя-то что натворил! Сколько переживаний доставил младшему звену юных опытников-утководов сго неожиданный поступок!

Все ребята были такие разные, и с каждым случилось немало происшествий — ведь они и друг к другу, и к работе, и к своему звену по-разному относились.

Подружилась я с этими ребятами. И тогда написала о них повесть.

ДИНОЧКА

В огороде у плетня стояла худенькая девочка лет одиннадцати и смотрела на деревенскую улицу.

С любопытством разглядывала она бревенчатые избы, крытые дранкой, яблоньки и вишнёвые деревца, ярко зеленевшие за каждым плетнём, прислушивалась к тишине. Залитая лучами утреннего солнца улица была безлюдна. Выражение скуки появилось на бледном лице девочки.

Но вдруг она оживилась, перевесилась через плетень.

На дорожке, тянувшейся вдоль изб, показалась другая девочка. Загорелая, в красном сарафанчике, в сандалиях на босу ногу, с льняными косичками, двумя полукружьями болтавшимися на затылке, она быстро шла, то и дело оглядываясь. Крикнула звонко:

— Вернись, Динка! Кому говорю?

Девочка за плетнём рассмеялась: за её сверстницей ковыляла небольшая белая утка.

Торопливо и озабоченно переваливалась утка с боку на бок, семенила жёлтыми перепончатыми лапами. Услышав окрик, она, вместо того, чтобы остановиться, ещё больше зашпешила. Потом вдруг села с размаху на задок, шею вытянула, клюв широко раскрыла и закричала суматошно:

— Кря-кря-кря!

Девочка в сарафанчике остановилась:

— Начинаются капризы! Бессовестная!

Она вернулась к утке, взяла её на руки:

— Вот как запру в сарай — насидишься у меня!

Стоявшая за плетнём девочка выбежала на дорогу.

— Как она гналась за тобой!

— Совсем избаловалась! — Со вздохом девочка в сарафанчике погладила утку. — Видно, я калитку плохо заперла, она и выскочила. А уж теперь от неё не отвяжешься... Это ты вчера приехала?

— Я. С бабушкой. На дачу. Как тебя зовут?

— Таня. А тебя?

— Света. В какой ты класс перешла?

— В пятый. А ты?

— Я тоже в пятый.

— Не знаешь, который час? — озабоченно спросила Таня.

— А я сейчас посмотрю!

Света вбежала в избу, глянула на ходики, висевшие на стене, и опрометью — к двери.

Бабушка за столом сидела, шила.

— Что ты мечешься, Светочка? — спросила она.

— Некогда мне, бабушка!

Выскочила Света на улицу, подбежала к Тане, поджидавшей её с уткой на руках.

— Четверть десятого.

— Ещё есть у меня время... — Таня посмотрела Свете в лицо и улыбнулась. — Так ты, значит, из Ленинграда?

Света кивнула и тоже улыбнулась. Стоит перед ней эта Таня, белобрысенькая, очень курносая, бантики над ушами, точно красные рожки, а улыбка у неё такая приветливая, что нельзя не улыбнуться в ответ.

С минуту девочки молча смотрели друг другу в лицо и улыбались.

Потом Таня сказала:

— Я только один раз ездила в Ленинград. Когда мне семь лет было. В кукольный театр тогда ходили. Но я не очень помню Ленинград. Большой он, наверно? Ты мне потом расскажешь, да?

— Конечно, всё расскажу!

— Ну что ж, придётся Диночку запереть, ничего не поделаешь. Пойдём вместе запирать? Вон где я живу — в проулке.

— Совсем рядом с нами! — обрадовалась Света.

По дороге Таня рассказала, что Диночка — это сокращённое имя утки, всё равно как Таня от Татьяны. А вообще утку зовут Единоличница. И не утка она ещё, а утёнок. Месяца полтора назад из яйца вылупилась. Весной Танина мама купила трёх инкубаторских утят. Да не повезло им: одного устреб уташил, другой свалился в канаву с водой и утонул.

— Утёнок утонул? — удивилась Света.

— Конечно. Утёнку утонуть ничего не стоит.

А третий утёнок такой попался слабенький, что Таня его в комнате выхаживала, у печки. Кормила его без конца, в вату, надранную из рваного ватника, заворачивала, купала

в корытце. На прогулку выводила только под строгим при-
смотром. Играют ребята возле избы, и тут же Диночка раз-
гуливает. Возилась-возилась. А теперь Единоличница ни за
что не желает оставаться одна.

— Единоличница! — засмеялась Света. — Имя какое вы-
думали! Это крестьяне были единоличниками. Те, которые не
в колхозе. Нам на уроках по истории рассказывали.

— Вот-вот! Оттого так и прозвали: все утята вместе, а она
сама по себе.

Таня заперла Диночку в сарай. Ну и гвалт же поднялся за
дощатой дверкой! Такое оглушительное кряканье, что Таня
с сокрушённым видом заткнула пальцами уши:

— Целый час теперь орать будет!

ЛЕТНИЙ СНЕГ.

Лесная тропинка не прямо тянется. Она извивается, как
уж. Сквозь чащу ползёт, в овражки спускается, вдруг на от-
крытое место выбегает, обогнёт поляну да опять в лес убежит.

Гуськом пробирались по лесу Та-
ня, Света и Люба — хорошенькая тём-
нобровая, кареглазая девочка из од-
ного класса с Таней.

Девочки ходили по ягоды и реши-
ли, уже не возвращаясь домой, лесом
выйти к озеру.

Люба шла позади и всё время от-
ставала.

— Всё равно всю землянику не
оберёшь! — посмеивалась Таня.

Но Люба то и дело нагибалась,
присаживалась на корточки. Пальцы
её так и сновали среди вырезных ли-
стиков.

— Уж больно здесь спелая. Жаль оставить!

Света давно не собирала ягоды, прикрыла свою полную корзиночку лопухом. А глазами невольно продолжала искать в траве красные пятнышки. Возле пней земляники прямо усыпано.

Таня проскользнула между невысокими ёлочками. Откуда-то из кустов раздался её голос:

— Пришли!

Света продралась сквозь чащу и вскрикнула от восхищения.

Будто великанское зеркало, голубой блестящей эмалью покрытое, лежало перед ней. Окаймляли зеркало красные, жёлто-коричневые обрывистые берега. Тёмно-зелёная островерхая стена ёлок высилась по самому краю. На тёмно-зелёном там-сям разбросаны светло-зелёные, яркие, вселёные пятна — это кудрявились берёзки и осинки.

Но не все берега были лесистые и высокие. Часть берега без деревьев, плоская и сплошь белая. Даже вода у этого берега сверкает белизной.

— Что это? — удивлённо спросила Света.

— Где, Светочка?

— Да вон белое... Снег лежит? Но как же... летом?

— Ха-ха-ха! — расхохоталась Таня. — Да это утки! Лагерь утиный. А, ты же ещё не видела... Издали и верно на снег похоже. Только это летний снег, живой!

— Теперь и я вижу, что это птицы, — смущённо сказала Света. — Вон отплыли две. Крыльями по воде бьют. Сколько же их тут?

— Много тысяч, — ответила Люба, бросая в рот горсть земляники. — Долго вы будете здесь стоять? Пошли скорей!

Подойдя ближе, Света заметила, что озеро разгорожено проволоочной сеткой. И поперёк сетка — вот отчего утки на середину озера не отплывают.

— Таня, а зачем там сетки?

— Ну, как же! Ведь там разные участки.

— Не в куче же уток выращивать, — сказала Люба. — За каждый участок разные люди отвечают.

— Вон гляди! — показала Таня рукой. — Там Нинин участок. Нины Сергеевой. Ой, какая она замечательная!

— Депутат областного совета! — с уважением добавила Люба.

— Да-да! И вообще она замечательная, Нина! А вон там, левее, школьный участок. Видишь, велосипеды стоят у загонов?

— Загоны — это что? Те низкие домики с открытыми дверцами?

— Да, конечно. Велосипеды-то ты видишь, к стенке прилонённые? То восьмиклассников велосипеды. А наш участок рядом. Бежим!

Таня и Света пустились догонять Любу, которая ушла вперёд.

ПИСЬМО ПРОФЕССОРА

На лужайку перед входом на юннатовский участок Сеня Корнесв пришёл по крайней мере за час до начала работы своего звена.

Все ребята любили эту лужайку. На ней росли высокие развесистые берёзы. Под тремя берёзами, дружно выстроившимися в ряд, стояла скамейка. Хорошо тут, в тени, посидеть.

Сеня пожалел, что не захватил какую-нибудь книжку. Уж больно торопился удрать из дому. Как дёрнут тебя покрепче за волосы, так поневоле забудешь взять, что надо.

И вечно мать дерётся ни за что ни про что. На свинарнике с кем-нибудь поругалась или просто настроение плохое, а сорвать злость непременно надо на нём, на Сеньке. По правде сказать, больше и не на ком: живут-то они вдвоём. Не прибрал он, видишь ли, в избе. А сама-то мамка много прибирает? Пол и то не всякий день подметёт...

Девчонки идут! Таня Фёдорова и Люба Мигунова из их звена. И с ними третья девчонка, незнакомая. Шляпа на ней соломенная с широкими полями, платье синее в белый горошек. Городская какая-то, что ли? Похоже, что на солнце ещё

не бывала: лицо совсем белое. Волосы стриженные, русые. «Чего на меня из-под чёлки уставилась?..»

И Света подумала: «Что он меня разглядывает?»

Растянувшись в траве у скамейки и подперев руками вздохмаченную голову, мальчишка не спускал со Светы сонного взгляда.

— Саша ещё не пришёл? — Люба оглянулась по сторонам. — Сенька, не видел Сашу? Ну, что ты молчишь?

— Дык что ж говорить? — лениво отозвался Сеня. — Видно, из речки ещё не вылез. Утром я его в речке видел.

Таня засмеялась.

Дык! Не зря тебя Дыдыком проз

Люба нахмурила тёмные брови:

— Опять Сашка опоздает на дежурство!

На лужайке появилась высокая девочка лет пятнадцати — шестнадцати, в синем платочке, завязанном под подбородком.

— Здравствуйте, ребята! А у меня для вас сюрприз: письмо от Сергея Ивановича!

Таня заплясала от радости.

— От Сергея Ивановича? Это профессор Сергей Иванович, — объяснила она Свете. — Из сельхозинститута. Мы по его заданиям опыты делаем. Глашенька, а это Света! Она из Ленинграда приехала. С бабушкой. На дачу. Света, Глаша наша звеньевая! Она уже комсомолка. В восьмом классе учится. У них практика по

птицеводству. А Глаша с нами практику проходит!

Глаша засмеялась:

— Все сразу выложила, тараторка. Одним духом. Не собралось ещё звено? Надо письмо прочесть.

— Я за Витей сбегая, потороплю его. — Тёмной косой Люба махнула, как лошадка хвостом, и вот уже нет под берёзами ни Любиной косы, ни са- мой Любы.

А на лужайку примчался велосипед. На велосипеде — загорелый дочерна, кудрявый мальчишка. Глаша с Таней в сторону отскочили.

— Фу, Сашка! — вскрикнула Таня. — Чуть не наехал.

— Люба ещё не пришла? — соскакивая с велосипеда, спросил Саша. — Зануда несчастная! Надо же такую штуку устроить!

— Люба за Витей пошла, — сказала Таня. — Сергей Иванович письмо...

Но Саша её перебил:

— Попадись мне эта Любка! Нет, вы подумайте. На нашей двери рано утром оказалась бумаженция, кнопкой приколотая. На бумажонке печатными буквами разрисовано: «Только дураки опаздывают на работу. Не будь дураком!»

— Батюшки! — всплеснула руками Таня.

— Вот тебе и батюшки! Мой старший брат — тракторист — на работу опаздывал, проспал малость. Выскочил он из избы, прочёл, да с ходу на меня бросился. Хвать за ухо: «Это что за прописи там висят?» А я ничего не понимаю, ещё не видал этой дурьей бумажки!

Таня давилась от смеха. И Глаша засмеялась.

— Вам-то что! — хорохорился Саша. — А у меня ухо так и горит. Ладно, Ванька наш очень торопился, так маленько дёрнул, а то начисто бы ухо оторвал! На свой счёт ведь принял. А это — факт! — Любкины издёвки. Её рук дело.

— Ты своё ухо водичкой холодненькой помочи, — посоветовала с улыбкой Глаша. — Люба ведь о тебе заботится, Саша. Чтобы ты на работу не опаздывал. Не бывало с тобой разве?

— За опоздания мне, а не ей попадёт! — Саша сердито плюхнулся в траву рядом с Сенькой.

Запыхавшаяся Люба его не заметила. Прибежала и заговорила торопливо:

— Витя идёт. А Сашку я не нашла. Наверно, он на тот берег уплыл.

-- Он уже утонул! — пробасил Саша, как из подземелья.

Люба вздрогнула, глянула, сделала равнодушное лицо и повернулась к нему спиной.

— Ух-хо полуторванное его на дно потянуло! — прорычал в траве Саша.

Света фыркнула.

Здравствуй, Глаша! Здравствуйте, ребята! Говорят, письмо пришло от профессора Шукарева? Очень приятно.

С такими словами Витя не спеша приблизился к скамейке, на которой сидели Глаша и девочки. Походка у него солидная, руки засунуты в карманы брюк. Волосы аккуратно причёсаны на пробор. На ногах — полуботинки с носками, голые пятки не сверкают, как у Саши и Сени.

Все в сборе? — сказала Глаша и протянула Тане письмо: — Читай!

А почему Сенька лежит? — недовольно спросил Витя. — Это неуважение к коллективу! Пусть слушает сидя.

Сеня и голову положил на траву:

— А мне и так хорошо!

— Чего ты командуешь? — вступился за него Саша. — Может, он устал или ужарел! Пускай лежит. Что тебе, — жалко?

Мой отец бригадир, — заявил Витя, — и никогда бы не разрешил на собрании бригады лежать!

— Да ты-то не бригадир! И не звеньевой. И даже не помощник звеньёвого.

— Мальчики, перестаньте ссориться! — сказала Глаша. — Таня, читай!

Таня стала звонко читать:

— «Дорогие ребята! Большой привет вам от сотрудников нашего института. Меня очень интересует, как проходят у вас опыты. Даёте ли вы утятам биоминин?» Даём! Даём! — сама себя перебила Таня.

Света очень удивилась и застенчиво сказала:

— А мне тоже как-то давали биоминин, когда я болела. Но разве у ваших утят высокая температура?

— Вообще у птиц выше температура, чем у человека, — сказала Глаша. — Но не в этом дело. Наши утята не больны, у них температура нормальная. Тебе не такой биоминин давали. Тебе — лекарственный, а нашим утятам — кормовой. Он в мешанку добавляется.

— «Даёте ли вы утятам биоминин?» — повторила Таня. — Если даёте, то заметны ли результаты?»

— Заметны! — заявила Люба. — Утятки не болеют. И в опытной группе лучше поправились. Вчера взвешивали.

— Поправились! — фыркнул Витя. — Кто так говорит? Что у них, щёки, что ли, потолстели, у наших утят? Прибавили в весе, надо сказать. А главное, насколько прибавили. Цифры нужны.

— Не придирайся! Цифра! — крикнул Саша.

Глаша нахмурилась.

— Вы опять? Отберу письмо. Пусть другие звенья отвечают, а про наше звено я сама напишу: не могли ответить из-за глупых стычек.

— «Устроили ли вы червятник?» — прочитала Таня. — Как проживают в нём черви?»

— Че-ер-ви! — протянула Люба с отвращением. — Бр-р-р!

Свету тоже слегка передёрнуло.

— А зачем черви? — спросила она.

-- Земляные черви — прекрасный биокорм, — отозвалась Глаша. — Червятником ведаёт Сеня. Сеня, ну как, развелись черви?

Из травы ответа не услышали. Зато громко вскрикнула Люба: это Саша подобрался сзади и дёрнул её за косу.

— Тихо вы там! — прикрикнул Витя. — Сенька, отвечай, — как с червятником? Разлёгся на собрании и ещё отвечать не желает!

— Сеня! — окликнула Глаша. Она встала, чтобы подойти к нему.

Но Саша её опередил. Подскочил к неподвижно лежащему Сене, нагнулся над ним и сообщил радостно:

— Дыдык спит!

Таня, Люба и Света со смеху покатались. И Глаша засмеялась. А Витя отчеканил сердито:

— Вот что значит полёживать на собрании!

Глаша сдержала смех и приказала с подчёркнутой строгостью:

— Растолкай его, Саша! Заснуть, можно сказать, на заседании, и правда, никуда не годится.

— Тем более при чтении профессорского письма! — добавил Витя.

Сеня сел, протирая глаза кулаком:

— Дык я всё слышал!

— А слышал, так Расскажи про червятник! — велела Глаша.

Сеня посмотрел на неё с недоумением:

— Червятник? А чего про него рассказывать? Червятник как червятник. Черви в ём ползают.

— Не в ём, а в нём. Говори правильно! Ты, Сеня Корнеев, ничего не слышал, а говоришь, что слышал.

Тон у Глаши был учительский, но почему-то Света подумала, что, кажется, Глаша не очень строгая звеньевая.

Сенька в раздумье чесал затылок. Вдруг он сказал глубокомысленным тоном:

— Хватит. Первую порцию, пожалуй, можно брать.

Все очень удивились.

— О чём это ты? — спросила Глаша.

Таня даже встревожилась:

— Ты бредишь, Сенька? Тебе снится сон про какую-то еду? Сеня пожал плечами.

— Ничего мне не снится. Червей, говорю, хватит. Много уже развелось.

— А-а, — заулыбалась Глаша. — Значит, завтра же мы и возьмём. . . первую порцию! Для опытной группы. Надо будет только как-нибудь поравномернее скормить угощение. Чтобы не вышло так: одному утёнку много, а другому ничего.

— Аккуратненько разделим, не беспокойся! — пообещал Саша. — Как в столовке. Тебе, Люба, так и быть, одну порцию оставим. Для храбрости.

Люба руками замахала:

— Фу, гадость какая!

— Таню перебивают всё время. . . — Витя живо забрал из Таниных рук письмо и ясно, чётко стал читать: — «Напишите, пожалуйста, из чего у вас состоит мешанка для утят? И какую вы даёте зелёную подкормку? Вот пока и все мои к вам вопросы. Жду на них ответа. Желаю вам, дорогие опытники, успехов в работе, погожего лета, интересного досуга, весёлых игр! Ваш С. Шукарев». Всё! Долго ли было прочесть?

— Вот вы на это письмо и ответьте сами, — сказала Глаша. — Напишите, я просмотрю. . . А теперь живо за работу!

РАСПРИ ПОД ОКНОМ

Девочки играли в «классы». Люба скакала, а Таня, Нюра и Света стояли и смотрели. Белая Единоличница, увязавшаяся за Таней, бродила под стенкой ближней избу, щипала траву.

Люба кидала камешек в клетки, начерченные на земле, и прыгала так ловко, что Света с Нюрой вздыхали от зависти: вот-вот выиграет. С безнадёжным видом Света уселась в тень на завалинку.

Из проулка вылетел на велосипеде Саша. Подкатил к девочкам, соскочил лихо, вытер кулаком пот со лба:

— Ух, жарко! Мы с ребятами на перегонки ездили. До большого сосняка домчали.

Посреди клетки Люба застыла на одной ноге, другую ногу, как журавль, поджала.

И кто победил в перегонках? — поинтересовалась Таня. — Люба, играй же!

— Петька Кузьмин победил! О-он велосипедист! Я так думаю, что Петька и на всесоюзных каких-нибудь соревнованиях победил бы!

— На всесоюзных! — фыркнула Люба. — Хвастуны эти мальчишки! — И опустила поджатую ногу.

— На черту встал! — закричала Нюра. — Всё! Наконец-то! Выходи из классов! Таня, твоя очередь.

— Это Сашка виноват, — сказала Таня. — Люба вот-вот кончила бы.

Таня стала скакать, а Люба в сторону отошла.

— Письмо-то где? — спросил Саша. — Болтали чего-то, что его подписывать надо.

— Витя начисто переписывает, — сказала Света. — Должен принести.

— Витя... переписывает. потому что... у него... почерк... хороший. Он... отличник!

Таня говорила с перерывами: скажет слово и скакнёт. Но два дела сразу делать трудно, поэтому она обеими ногами встала на черту. А тут и Витя подошёл.

Игру бросили: всё равно Люба считалась выигравшей, её никогда в «классы» не победить.

— Я и конверт принёс, — сказал Витя. — И адрес написал. Глаша велела нам это письмо самим опустить, потому что другие звенья ответы уже отправили; все слишком копались, неудобно задерживать, она сказала. Я уже подписал письмо; ты, Таня, подписывай!

Ребята обступили Витю.

— А перечесть ещё не надо? — спросила Таня.

— Зачем? Я всё точно переписал.

Да зачем опять перечитывать? — нетерпеливо сказал Саша. — Давайте скорей подписывать, а то мне больно недосуг.

Люба на него покосилась:

— Чего тебе неймётся?

— Поросятка накормить мать наказала.

— Животина голодная, а он к сосняку укатил! — покачала Люба головой. — Может, твой поросёнок уже пропал с голоду.

— Сама-то не пропади, а поросёнку ничего не сделается. — Саша протянул руку к Любиной косе и дёрнул руку вниз. Косу он не схватил, и всё-таки Люба взвизгнула и присела.

Все расхохотались.

— Вон как меня Любка боится! — похвастался Саша. — Я её и пальцем не тронул, а она вся передрожала.

Прислонив письмо к стене дома, Таня авторучкой, которую ей подал Витя, подписала письмо.

— Молодец у нас Витя — какой запасливый, — похвалила она. — Ручку и то принёс.

— А как же! — солидно отозвался Витя. — У вас, может, и карандаша не найдётся. Сашка, руки вытри!

— Не учи! — Саша хотел взять письмо у Тани, но подскочила Люба:

— Сперва я! Подождёшь! Поросянок твой если ещё не помер, за пять минут не помрёт.

Нюра попросила:

— Показали бы вы мне письмо! Сколько с ним возитесь! Я хочу поглядеть, что в нём написано.

— Незачем всем давать. Подписывай, Люба! Потом Саша! — Витя сам взял письмо у Тани из рук, отдал Любе.

— А садоводы до уток не касаются! — заявил Саша Нюре и ухватил за уголок письмо, которое держала Люба, потянул к себе.

— Порвать хочешь?! — накинулся на него Витя.

— А ты не командуй! — обиделся Саша. — Раскомандовался!

— Да не кричите вы, ребята, друг на друга! — взмолилась Таня.

— А чего на него и не крикнуть? — пренебрежительно заявил Витя. — Сашка ведь не утка. Это на уток кричать не полагается.

— Уток здесь нет, зато кулаки есты! — заорал Саша и со сжатыми кулаками подступил к Вите.

«Сейчас раздерутся!» — испуганно подумала Света.

Но Саша не успел пустить в ход кулаки. Внезапно над его головой прокатился негодующий возглас:

— Уток здесь и верно нет, зато птичница налицо!

В окне той избы, возле которой расшумелись ребята, отдёнулась занавеска. Высунулась пожилая толстая женщина. Голова её была повязана пёстрой косынкой, концы которой торчали над лбом. Толстощёкое лицо красное, сердитое.

— Вы что это разорались на мою голову? Да, может, я пуще уток крику не переносу? Чтоб вам пусто было! Мне сон интересный снился, а на самом завлекательном месте как всё равно меня ошпарило, кипятком обдало! Крик ваш оголтелый в окошко бросился. Фулиганы!

— Кря-кря! — Диночка под окном принялась вторить крикливой тётке.

Притихшие ребята захихикали.

Витя первый оправился от смущения.

— Извините, Пелагея Филипповна, мы не знали, что вы дома.

Потом и Люба сказала:

— Тётя Поля, мы не знали, что вы днём спите. Вы днём всегда на птицеферме.

Тётенька в окне губы будто шнурочком подтянула:

— А то тебе невдомёк, что у птичницы тоже выходные дни бывают? Поди, я на птицеферме не одна. На тысячи-то кур. Окромя того, я нынче по бюллетеню хвораю.

— Может, в аптеку сбегать за порошками? — предложила Таня.

— Срочной необходимости в аптеку бежать пока что не предвидится. — Голос у тёти Поли немножко подобрел. — Тем более, у меня полный шкафчик лекарственных снадобий припасён.

— Давайте письмо! — тихонько сказал Витя. — Я его запечатаю!

— А Сенька-то не подписал! — зашептала Света.

— Правда, правда! — подхватила Таня. — Чуть про Сеньку не забыли. Молодец Света — напонила!

— Ничего не молодец! — нахмурился Витя. — И зачем это всем подписывать?

— Да идёт он, идёт! — закричала Люба. — Се-енька! Ты что такой?

На Сеньку все смотрели с удивлением. Штаны на коленях, рукава, перед рубашки были у него совсем мокрые.

Тётя Поля в окне пощёлкивала семечки.

— Аль топить ходил?

Ребята засмеялись.

— Я в лужу упал, — угрюмо пробормотал Сенька.

— Да ведь сухо совсем! — поразилась Нюра. — Дождя давно не было.

— Напротив свинарника есть лужа, — промолвил Сенька.

— На весь совхоз одна лужа! — с восхищением воскликнул Саша. — И всё-таки Дыдык в неё свалился! Он ведь о полётах в космос мечтает. А пока его на космический корабль не пригласили, он совершает полёты в лужи. А-а, я знаю, почему Сенька в лужу упал! Там магнит такой особый содержится, в лужах. На всех он не действует, а на Сеньку действует, притягивает нашего Дыдыка; вот отчего ему единственную разъединственную лужу и ту не миновать. Давайте поставим опыт: влияние луж на Дыдыка! Подведём его к луже и...

Балаболка ты, балаболка! — с негодованием сказала тётя Поля. — Смотри, чтобы тебя самого за язык куда-нибудь не притянуло! И как у вас ещё утята живы, у таких залихватов?

Что вы, тётя Поля! — возразила Таня. — У нас утята отлично развиваются!

Тётя Поля облокотилась о подоконник, пригорюнилась.

Утёнок — существо нежное, прихотливое. Нельзя ему в такие руки попадать.

— Утка — не шутка, мы это знаем! — засмеялся Саша.

— Вот Витя, бригадиров сынок, — мальчик вежливый, воспитанный, — продолжала тётя Поля. — Мамашенька за ним приглядывает. Ну, девочки... куда ни шло. А уж мокрый этот, Сенька-то, да ты, озорник, где вам с утятками обходиться?

В это время Витя, шёпотом приказав Сене вытереть руки, ткнул ему в пальцы авторучку и подставил письмо для подписи. Потом неприязненно нахмурился и сунул авторучку Саше. Письмо он ревниво не выпустил из рук ни разу, только подставлял край листка. Запечатывал конверт Витя с таким видом, точно совершал великое дело.

— «Утка не шутка» — очень даже правильная поговорка, — рассуждала тётя Поля. — Да вы ещё утят, говорят, биомичинами кормите? Далеко ли до греха!

— У вас отсталые взгляды, тётя Поля, — сказала Таня. — Мы опыты ставим по-научному.

— Это я-то отсталая? — оскорблённо воскликнула птичица. — При моём трудовом стаже?!

— Таня, ну зачем ты так грубо? — упрекнул Витя.

Таня покраснела.

— А если это правда?

Света вступилась за Таню:

— И совсем Таня не грубая!

— Маруся едет! Почтальон! — закричала Люба.

Все кинулись к девушке, едущей на велосипеде:

— Маруся, наше письмохвати!

— Отправь его побыстрее, Марусенька!

— Всё будет в порядке, не беспокойтесь! — улыбнулась девушка, засунула письмо в сумку, висящую у неё на боку, и укатила.

И Саша вскочил на велосипед:

— Ну, ладно, поеду!

— Езжай, езжай! — сказала Люба. — Спасай своего порося от голодной смерти!

Нюра покрутила головой:

— Ну, и хлопот у вас с вашими утками! Ещё и ругают вас... Нет, саденцы куда лучше! — Нюра была юннатом-садоводом.

— Так они молчат, твои яблоньки! — сказала Люба. — Они неживые.

— Как это неживые? Как это молчат? Листочками шелестят, вот и разговор.

Лузгая семечки, тётя Поля поглядывала на ребят.

Девочки опять играли в «классы». Сеня смотрел на них. Витя в раздумье присел на завалинку.

Вдруг на дороге закрутилась пыль.

— Беда случилась! — ещё издали орал Саша, изо всех сил нажимая на педали велосипеда. — Утята попропадали! Из опытной группы. Я Надьку-семиклассницу встретил!

Ребята кинулись к Саше. Все кричали разом:

— Как попропадали?

— Почему пропали?

Кряканье Диночки сливалось с ребячьими голосами: Танина уточка при всяком шуме сама начинала вопить.

Тётя Поля зажала уши:

— Опять взялись за галдёж?

Взволнованные ребята не обратили на неё внимания. Таня подхватила на руки Динку:

— С собой возьму! Домой отнести не успею.

Все стремглав побежали за Сашиним велосипедом, который уже катился по дороге.

Люба приостановилась на бегу и сказала испуганно:

— А письмо-то отправлено!

У Тани округлились глаза:

— Ой, правда! Писали, что всё-всё у нас в порядке!

Тётя Поля протяжно вздохнула:

— Эх вы, биомицины!

ПРОЛОМ В ИЗГОРОДИ

В изгороди на опытном участке оказалась дыра. Средние и нижние жерди в одном месте сломались. Отчего, — неизвестно. Может быть, и правда Сашка или Сенька поломали: один — когда перескакивал через загородку вместо того, что-

бы пройти в калитку, другой — когда перешагивал неуклюже, задевая ногами за жерди.

В этом их заподозрила учительница биологии, Анна Степановна. Побывав, как всегда, в бригаде восьмиклассников, она зашла на опытный участок и теперь поплёскивала очками на Сашу.

— Младшее звено часто так балуется, что и загонны недолго повредить, не только изгородь.

Саша, Люба, Сеня, Таня и Света виновато молчали. Вити не было: побывав вместе со всеми, он отстал по дороге и на участок не пришёл.

Кроме Светы, все знали, что сначала комсомольцы боялись допускать вчерашних четвероклассников к серьёзной работе.

Но девочкам очень хотелось поработать в утятнике. А за ними и мальчишки потянулись. Вот и было создано младшее звено юных опытников во главе с Глашей.

— А не лиса ли сломала загородку? — тихонько высказала предположение Люба.

— Лисы вокруг ходят! — поддержал её Сенька.

— Не ходят, а ходят, — поправила Анна Степановна. — Для лисы дырка, по-моему, маловата. Разве уж, если протискивалась лисица. Боюсь, что это какой-нибудь двуногий проказник здесь набедокурил. Какой громадный утёнок! По сравнению с остальными. — Анна Степановна показала на Диночку, которая влезла с ногами в поилку и барахталась там, выплёскивая воду.

Таня со смущённым видом поспешно вытащила Диночку из поилки.

— Это моя уточка. Она старше наших утят.

— Как? Вы со своими утками приходите на участок? Ничего себе порядки!

Таня покраснела.

— Мы ещё не на работу... Так пришли, посмотреть... Я на работу Диночку с собой не беру.

Свете стало жаль Таню, и она сердито посмотрела на старую учительницу. Пусть ругает своих восьмиклассников и

семиклассников, а ребята их звена не её ученики. Над ними главная Глаша.

Анна Степановна будто подслушала мысли Светы.

— Как-то вы ещё будете у меня заниматься в шестом классе? — сказала она. — Ну, до свиданья, желаю вам больше загородок не ломать.

Учительница покачала головой, повернулась и ушла, высокая, сухопарая, немного сутулая, твёрдо ступая широко-носными туфлями на низких каблуках. Большой узел седых волос на её затылке слегка растрепался.

— Хорошо, что только через полтора года мы будем у неё учиться, — сказала Люба. — Вон какая строгая!

Таня, всё ещё красная от смущения, вздохнула:

— И за что её Глаша так любит, эту Анну Степановну по биологии, просто не понимаю! Вечно твердит: «Анна Степановна говорила! Анна Степановна советовала!» Глаша её чуть ли не больше всех учителей любит...

Ребята очень удивились бы, если б видели, какая ласковая, вдумчивая улыбка осветила морщинистое лицо учительницы, когда она отошла от них. А ещё больше удивились бы они, услышав разговор Анны Степановны с Глашей.

— Чудесные ребятки в твоём звене, Глаша, — сказала Анна Степановна звеньевой, забежавшей в этот день на участок старшеклассников. — Так жаль, что бывать на опытном участке ещё и в их дежурство у меня нет никакой возможности. Живые, смыслённые лица. Светленькая Таня — это слесаря Фёдорова дочка?

Восьмилетка находилась не в Дымове, а в селе за несколько километров, и учеников Дымовской начальной школы Анна Степановна почти не знала.

— Так я и думала, — продолжала учительница, когда Глаша кивнула головой. — А худенькая, с чёлкой, которая рассердилась на меня за то, что я сделала замечание Тане, — ленинградская пионерка, не так ли? Ребята хорошие, но ты их распустила, Глаша. Примчались сегодня на участок с криками, спорами и даже... — Анна Степановна засмеялась, —

...со своими личными утками. Они, видишь ли, ещё не на работу пришли, а «просто так». Один вихрастый румяный мальчик так нёсся, что я испугалась, как бы он утят не подавил.

— Сашка Дёмин, конечно, — сказала Глаша. — Он у нас весельчак, насмешник, самый шумный из всех.

— Мягкая ты уж очень, Глашенька, а надо учиться твёрдости. Ты ведь о педагогическом училище мечтаешь. Сейчас для тебя практика не только по биологии, по птицеводству, а и по педагогике. Утятница Марья Силантьевна мне говорила, что ты слишком многое делаешь сама. Зачем же? Надо руководить ребятами, но в то же время доверять им. Если они чего-нибудь не доделают, старшие доделают в другую смену. Самое главное — чтобы, по своим силам, они работали добросовестно, болели бы душой за дело. Заходи ко мне вечером; мы поговорим подробнее о каждом из твоих ребят.

— Зайду, Анна Степановна, непременно зайду! — обрадовалась Глаша.

...Ничего об этом разговоре ребята не знали. Как только учительница скрылась из виду, они в ту же минуту перестали думать о ней. Принялись разглядывать пролом.

— А вообще-то утёнок пролезет в это отверстие?

Саша живо сбегал к кормушке, принёс утёнка и просунул его белую головку в дырку. Утёнок рванулся вперёд, и вот он уже ковыляет к кустам по ту сторону изгороди.

Саша и Сеня одновременно перепрыгнули через загородку и кинулись ловить утёнка. Нагнулись над ним они тоже одновременно и сильно стукнулись лбами.

Девочки засмеялись. Но, когда мальчишки поймали утёнка, Таня упрекнула Сашу:

— Зачем ты утёнку дорогу показал? Теперь он непременно опять сюда полезет и других утят за собой поведёт. А уж сам — обязательно! Утята, знаешь, какие настойчивые! Вот Диночке я не разрешаю в горницу ходить, а она всё время туда лезет на чистые половики.

— Много утят убежало? — спросила Света.

— Ушло-то семеро! — ответил Саша. — Но двоих уже поймали. Ведь как и узнали-то про эту дырку? Видят, — два утёнка по ту сторону заборчика разгуливают. Стали смотреть, как они туда попали, и нашли дырку.

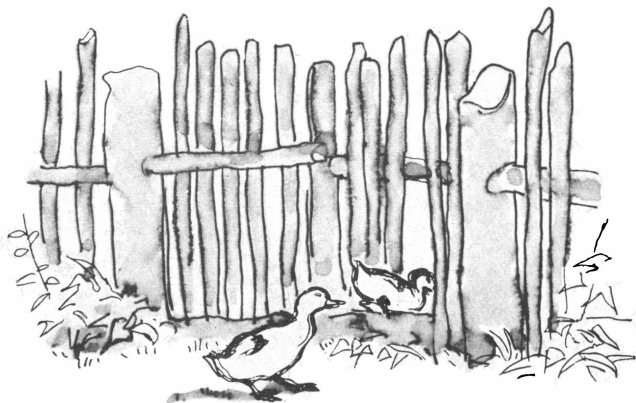
— Дык откуда же знают, что семеро ушло, если только двоих видели? — Из-под шапки соломенных волос Сенькины глаза смотрели на Сашу с недоумением.

— Умный ты, Дыдык, сил нет! — насмешливо сказал Саша. — Сосчитали утят — до ста долго ли сосчитать — и увидели, что ещё пяти штук не хватает, а двое уже отыскались. Вот и выходит, что убежало семь.

С длинными жердинками, молотком и гвоздями в руках пришёл большой мальчишка, наверное, самый высокий из восьмиклассников. Он стал чинить изгородь.

Придя в этот день на дежурство, ребята работали не все сразу, а по очереди: четверо работают, а двое утят ищут.

Проломилась изгородь с того края, где не было выгулов;

все они расположены по берегу в другую сторону. А в этом месте, сразу за изгородью, начинался пустырь, заросший кустами. Утята куда угодно могли забиться. Может, и сидят где-нибудь в кустах, притаились?

СТРАННАЯ ПЕЩЕРА

Глаша послала на поиски Таню и Свету:

— Обшарьте всё вокруг хорошенько. И не болтайте громко, прислушивайтесь, не подадут ли утята голос.

Девочки медленно пробирались в густой траве. Всё вокруг осматривали, вглядывались в землю, чуть слышно переговаривались.

— Следов никаких не видать! — огорчённо прошептала Таня.

— Да ведь наши утята не лошади, — отозвалась Света. — Траву копытами не примнут. Какие от них следы!

— И то верно...

Почва на пустыре неровная: где ямы, а где бугры. Земляника и здесь попадает. С земляникой возиться девочкам, конечно, некогда, но всё-таки схватят на ходу две — три ягодки, и сразу во рту станет сладко и ароматно.

— Сколько здесь всяких ям! — сказала Света. — Прятаться в них хорошо. Вы тут, наверно, в прятки играете часто?

— Нет. Здесь не позволяют играть, — слишком близко утятник. Для игр у нас вся деревня, и речка, и ближняя, с той стороны деревни, роща. У нас играть — где хочешь раздолье. А тут-то зачем? Мы сюда не ходим, разве траву для утят рвать.

Таня в ольшаник влезла, ветки руками раздвигает. Света за ней, да отстала: ногу ободрала об сучок, смотрит, — большая ли царапина? И вдруг — нет впереди Таниного красного сарафанчика.

— Таня! — окликнула Света. — Ты где?

Вскрик где-то совсем близко. И — тишина.

— Та-аня! — Света подождала немножко.

«А, в прятки со мной играть вздумала. Сейчас найду!» Продралась она дальше и... вниз поехала.

— Ай-ай-ай! — За кусты хватается, ноги на крутом склоне скользят. Над головой у Светы сомкнулись кусты, стало темно. И вдруг в тёплое она во что-то уперлась руками, в живое. — Ай-ай-ай!

Танин голос успокоил Свету:

— Не толкайся! Там какая-то пещера... Уть-уть-уть!

— Ты думаешь, они сюда забрались? — держась за Танино плечо, спросила Света.

— Всё может быть. А может, там, ниже, колодец? Тогда они провалились, бедные, и погибли.

— Сама-то ты не провались! Давай вылезем отсюда!

Помолчав, Таня сказала:

— Попадают такие заброшенные колодцы. А может, это не колодец, а так, просто яма? Не совсем уж тут темно...

Постепенно и у Светы глаза привыкли к полутьме. Глина под ногами, оттого и скользко.

— Ты крепко-крепко держись за кусты! — посовствовала Таня. — Они гибкие, не обломятся. — И осторожно стала продвигаться вперёд. Света мелкими шажками за ней спускается, а сама просит:

— Не надо, Таня! Потом сюда придём — с мальчишками... А вдруг это берлога волчья?!

— Нет-нет, не бойся!

— Таня, да тут, кажется, ступеньки были!

— И мне показалось. Только они совсем обвалились, стёрлись. Значит, не колодец! И волк ступеньки не сделает.

Ещё спустились. Ровнее стало под ногами и шире, но гораздо темнее.

— Куда ж это мы забрались? — промолвила Таня с опаской. — Уть-уть-уть!

Тихо, прохладно. Свету даже дрожь пробрала, а снаружи-то летняя жара.

— Это какая-то пещера! — У Тани голос тоже слегка дрожал. — Там ещё где-нибудь выход, потому что, видишь, свет немножко просачивается...

Правда, не полная темнота в пещере — густые сумерки.

— А тебе ногам мокро? — спросила Света.

— Да, сыро. Дождь когда-то сюда залился и не высох. Ничего особенного. Пстой! Тут что-то стоит посередкё. Стол деревянный, подумай! В землю ножки врыты. Покосился. Неужто тут кто-то жил?

— А может, и сейчас живёт? А мы забрались!

— Да кто ж тут может жить в такой... могиле?

— Ой, какие ты страшные слова говоришь!

— Светка, тут чего-то на столе... Камни сложены. А под камнями... Бумагу я нашла!

— Бумагу?!

У Тани в руках, и правда, какой-то лист смутно белеет.

— Утят здесь нет, — сказала она, — пискнули бы. Вылезем и посмотрим, — что это мы нашли?

Вылезала из странной пещеры Света с гораздо большим удовольствием, чем туда спускалась. Какое солнце яркое!

Таня расправила грязноватый ком бумаги, который зажимала в кулаке, и прочла вслух:

— Мин-ны!

Света быстро заглянула через её плечо: да, печатными буквами на измятом листке было написано чернильным карандашом:

— «Минны!» И ниже помельче: «Ничего не трогать! Заминовано».

— Та-аня! — ахнула Света. — А ты тронула...

— И не взорвалась, ты же видишь! — Таня перевела дух.

— А вдруг там ещё взорвётся? Вдруг не сразу...

Девочки схватились за руки и, не оглядываясь, со всех сил припустились бежать. Отбежали подальше и оглянулись. Стреляли в траве кузнечики, лёгкий ветерок шевелил головки синих колокольчиков, высоко в небе заливался жаворонок.

Девочки посмотрели друг на друга:

— Откуда же мины? — подумав, спросила Света. — Война кончилась очень давно. Нас с тобой тогда еще не было.

— Но мины иногда попадают и теперь, — сказала Таня. — В прошлом году в лесу подорвалась корова на мине. А в позапрошлом году мальчишки нашли такую штучку вроде кувшинчика, стали бить её камнем и тоже взорвались.

— Умерли? — ужаснулась Света.

— Нет. Повезло им. Одному только часть ступни оторвало, другому — пальцы на левой руке. Это не в нашей деревне было. Трогать всякие неизвестные штучки никак нельзя!

— А ты тронула бумагу... предупредительную.

— Бумага не мина. Значит, я самую мину не тронула.

— А если бы! Ой, какой страх! Таня, надо о минах сказать... Кому? Глаше?

— Да что Глаша? В военную часть надо сообщить. Там есть минёры. Они разряжают мины. Но здесь нет военной части... — Таня задумалась. Потом воскликнула: — А, знаю!

В милицию надо! Вот куда! А из милиции уже дадут знать военным.

— А милиция в Дымове есть?

— Нет. В селе. Где сельсовет. Довольно далеко. А пока не скажем в милиции, никому-никому не говори! И я не скажу. Потому что раз мины, — значит, военное. А раз военное, — значит, тайна. Болтать не надо.

— А вдруг, пока мы скажем, ещё кто-нибудь набредёт на это место? Дети какие-нибудь маленькие...

— Ой, правда! Что же делать?.. Знаешь что? Я сейчас побегу с этой бумажкой в сельсовет, а ты иди на участок и скажи Глаше, что я ушла...

— В милицию? Спросят, почему. Удивятся...

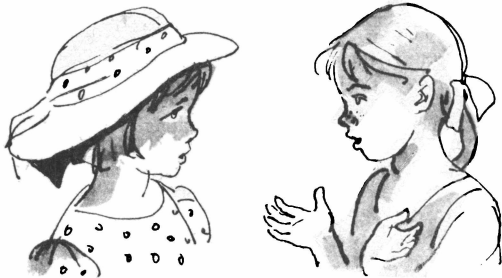
— Нет. Ты, Светочка, скажи, что я побежала... да просто домой. Что у меня... да, ну, живот очень заболел. Вот так!

Таня помчалась во всю прыть, а Света поплелась к утятнику.

Люба встретила её радостной вестью: ещё двух утят нашли: они крякали совсем близко, под обрывом, спустились туда, а наверх взобраться не могли. Теперь только трёх утят не хватало.

— А Таня где же?

— Сейчас я Глаше скажу...

Света нашла Глашу в загоне. Она посыпала пол свежими опилками.

— Долго вы как! На тот берег ходили? А ноги-то у тебя все в глине! На коленках лазили?

— Глаша, Таня домой пошла.

Глаша очень удивилась;

— Это почему? До конца вашей смены ещё часа полтора осталось.

— У неё... у неё вдруг... живот очень сильно заболел.

— Бедняжка! Что же с ней такое? И сильно, говоришь?

Света кивнула, глядя в землю.

— А почему у тебя такой вид испуганный? Напрасно ты Таню не проводила, вы же рядом живёте. — Глаша встревожилась. — Ну, зачем ты её одну отпустила?

— Она захотела одна...

Света стала помогать Сеньке выгружать корм из ящика на колёсах. Этот ящик прикатывали из кормокухни по двум длинным жердиным, уложенным на земле как деревянные рельсы. Из ящика на колёсах корм лопатами накладывали в вёдра и уже вёдрами разносили по кормушкам.

Сеньке и Любе тоже пришлось объяснять, что Таня, кажется, заболела. Было очень неприятно врать несколько раз подряд. К счастью, Саши и Вити на участке не было. Их Глаша тоже отпустила искать утят. Так что хоть им-то врать не пришлось. Каждый ведь непременно расспрашивает в отдельности, хоть и слышал, что Света говорила другим.

ТАЙНА

Солнце уже спустилось к самому лесу, и небо стало оранжевым, когда Таня пришла к Свете, поджидавшей её с нетерпением. Вид у Тани был очень усталый, она даже похудела за один день. Ещё бы — ведь в общей сложности Таня километров шестнадцать отмахала. До села, где находится милиция, от Дымова восемь километров.

Девочки уселись на скамейку в огороде.

— Вот велосипеда-то у меня нет! — сказала Таня. — Хотя я и ездить на нём не умею.

Она подробно рассказала Свете, как всё было.

Прибежала Таня в поселковую милицию и говорит:

— Скажите, пожалуйста, военным, что надо скорей разминировать пещеру, а то дети или утята туда влезут и взорвутся!

Милиционер, молодой и весёлый парень, глаза вытаращил:

— Кто взорвётся? Какая пещера? Садись, девочка, отдышись и Расскажи хорошенько, что случилось.

Таня протянула милиционеру бумагу, найденную в пещере.

— Мины пишутся через одно «н», — сказал милиционер, рассматривая бумагу. — Где ты нашла это объявление?

К тому времени Таня уже перевела дух и всё-всё объяснила, как они искали утят и спустились в пещеру.

— Ни в Дымове, ни в округе мин нет, — сказал милиционер. — Везде давно и много раз проверено. Это кто-то подшутил. Нарочно такую надпись написал. С грамматической ошибкой написал. А попали вы наверняка в старый блиндаж. От войны блиндаж остался. В этой местности шли бои. Ямы всякие, рывины возле леса видела? Это от снарядов. Взрываться вы бы не взорвались, а вот завалить, засыпать вас могло. Ведь там всё разрушенное, обветшалое. Так что вы во всякие такие места, в разные «пещеры», не лазайте.

Бумажку с «миннами» милиционер у себя оставил — «на память», говорит, — угостил Таню малосольным огурцом и дал пить воды из графина. На прощанье он Тане откозырлял: встал, вытянулся и приложил руку к фуражке.

— Наверно, мин там и правда нет, — немного смущённо закончила Таня свой рассказ. — Но кто-то в этом старом блиндаже бывает. Может быть, живёт в нём или что-то ценное прячет. Чтобы отпугнуть, если кто туда влезет, как мы с тобой, и положил нарочно страшную бумажку. А мы не побоймся, — верно?

— Ну-у, не знаю, — протянула Света.

— Знаешь, что я придумала, пока обратно шла? Мы с то-

бой возьмём фонарь «летучую мышь», у нас есть, и пойдём туда. Всё-всё осмóтрим! И узнаем, почему нужно отпугивать от этого места.

— Ой, Танечка! Ну, зачем? А если нас засыплет? Ведь сказали тебе, что может обвалиться.

— Не обвалится. Столько лет после войны не обваливалось, а тут сразу и обвалится нам на головы? Мы осторожно будем там ходить. Только ты никому-никому не говори! Ни Любе, ни Ёюре — никому! А уж мальчишкам и подавно.

— С чего это я мальчишкам скажу?

— А вдруг просто так проболтаешься? Для интересу. И я тоже никому не скажу. Это будет наша с тобой тайна, поняла? До времени... Мы всё разузнаем, кто там, в этом старом блиндаже, страшные записки оставляет. И тогда уже скажем всем. Может быть, на пионерском сборе даже.

Очень интересно, прямо здорово вдвоём, только со своей подругой, иметь тайну! Но при мысли о том, что опять нужно лезть в непонятную тёмную яму, Свете становилось жутковато.

— Таня, а что, если... если там поселились... шпионы?! Ведь они нас убьют.

Таня не удивилась такому предположению, а почему-то сконфузилась. Помолчала и призналась:

— Насчёт шпионов я милиционеру тоже намекнула. А он стал смеяться. Говорит: «Девочка, а, видно, тоже, как мальчишки, шпионских книжек начиталась. В нашем сельсовете военных объектов нет. Во всех десяти деревнях, что в сельсовет входят, одно сельское хозяйство. Шпионам здесь делать нечего».

— Ну, не шпионы, — сказала Света, — так просто воры. С ними тоже встретиться страшно.

— Мы, Светочка, во-первых, не полезем, если там кто-то засел. Если заметим, что кто-то там притаился, мы переждём, будем следить. Это во-первых. А во-вторых, воров у нас в деревне тоже нет. Двери никто не запирает на замок, только — на палочку. И никогда ничего не пропадает.

Это верно, что двери в Дымове не запирали. Матрёна Ива-

новна, у которой жили Света с бабушкой, когда уходила, затыкала снаружи в железные дверные скобы палочку. Палочка торчала поперёк двери и как бы говорила: «Никого нет дома». Ведь изнутри в эти скобы палочку не всунешь. А вытащить её каждый ребёнок мог.

Светину бабушку эта палочка сперва очень смущала:

— Как это так — уходим все и дверь у нас на палочке, а не на ключе?

Но Матрёна Ивановна ответила преспокойно:

— Да кто же полезет в избу, когда в ней никого нет? Замок навешиваем, когда в город или куда ещё далеко уезжаем, а каждый день с замком возиться чего это ради?

Да, Таня права: воров в Дымове нет.

— Но ведь воры могут приехать откуда-нибудь, — подумав, сказала Света. — Разве им на железной дороге и на автобусе не продадут билеты?

— Ну, зачем им сюда ехать? — засмеялась Таня. Потом стала серьёзной, задумалась. — Вот ты говоришь, Света, что войны сейчас нет. Это у нас войны нет. И это самое-самое главное, чтобы был мир. Мама всегда говорит. И папа. А вообще война на свете есть. Папа газеты читает по вечерам и всё нам рассказывает. Про разное международное положение. В Лаосе, в Алжире и ещё где-то такое делается... А в Конго-то что было. Бедный Патрис Лумумба!

Обе девочки вздохнули и помолчали.

— У нас Гагарин в космос летал. А там что! — сказала Таня.

— У меня дома из газет все, какие нашлись, снимки с Гагариным вырезаны! У тебя тоже? Мы узнали ещё в школе, когда занятия не кончились. А ты, Таня, тоже в школе? Откуда мальчишки всё узнают сразу? Мы после четвёртого урока уйти не успели, а мальчишки уже кричали: «Гагарин! Гагарин!» — и приставали к учительнице с вопросами.

— А у нас на другой день был в школе митинг...

— Девочки, ужинать идите! — позвала бабушка.

— Ой, как я засиделась! Меня мама тоже с ужином зажала. До свидания, Светочка, до завтра!

ТАНИНА МАМА

Подбегая к пастбищу, Таня размахивала зажатым в руке конвертом. Но, когда раскинулся перед её глазами зелёный луг, она остановилась, опустила руку с письмом.

Шла дневная дойка.

Смирно стояли коровы, возле которых сидели на низеньких скамеечках доярки в белых халатах. Другие коровы продолжали пастись. Но не все. Многие подошли вплотную к дояркам и, подняв рогатые головы, смотрели на них. Некоторые коровы вытягивали шеи и глухо мычали.

«Нетерпачки какие! — подумала Таня. — Хотят, чтобы поскорее их подоили. А, небось, только к своим дояркам подойдут, к чужим не лезут. Узнаю Красотку, Астру, Ромашку... Окружили мою маму!»

Приблизившись потихоньку и встав так, чтобы мать её не видела — зачем же мешать, да и Звёздочка забеспокоится, — Таня любовалась ловкими руками матери.

Как равномерно и проворно нажимают мамины пальцы на коровьи соски. Струйки молока звенят о стенки подойника. Лицо у мамы спокойное, чуть задумчивое. Мама всегда говорит, что приниматься за дойку надо непременно в спокойном и бодром настроении. Раздражённой, злой к корове подходить нельзя. Она почувствует, что ты злишься, взволнуется и даст меньше молока.

Ветерок колеблет концы белого платка на маминой голове. Не надела мама ту цветную шёлковую косынку, что привёз ей вчера папа.

Мама упрекнула папу:

— Ну что ты меня наряжаешь? Я уже старая. Лучше бы себе или Танюшке что-нибудь нужное купил.

Папа только усмехнулся и сам повязал маме обновку.

И чего это она выдумала: «старая»! Совсем она молодая, морщинки на щеках не найдёшь. Нельзя поверить, что маме уже больше сорока. Сорок лет — это же страшно много! И ведь сколько маме, бедненькой, пришлось пережить во вре-

мя войны. Папа рассказывал Тане про мамины мытарства, и у Тани прямо сердце сжималось.

Папа ушёл на фронт, а мама осталась одна с крошечным Толькой. В их Дымово пришли фашисты, стали зверствовать. И многие жители спрятались в лесу. И мама спряталась с Толькой на руках. Грудной Толька плакал, мама его успокаивала, — очень боялась, что немцы услышат плач. Узел с вещами оттягивал ей плечи, Толька оттягивал руки. Подумать только, что мама скиталась по лесу, голодная, усталая, а Таня этого не видела! Толька видел, но ничего не помнит, потому что был очень мал. Потом маму и ещё двух жён красноармейцев взяли к себе партизаны. Мама стряпала партизанам, обстирывала их. И жилось ей уже гораздо легче.

Но когда фашистов прогнали и жители вернулись в свою деревню, мама чуть не умерла от горя: пришла повестка, что папа пропал без вести. Всё-таки папа вернулся, только сильно израненный. И теперь у него иногда открываются старые раны. Тогда он не ходит слесарить в совхозную ремонтную мастерскую, и мама его укладывает в постель.

Звёздочка отошла и пасётся. Мама доит Астру.

Таня опустилаась на траву. От солнца, от шелеста и сладкого запаха трав, короткого, будто спросонья, мычания коров, щебета какой-то пичуги в придорожных кустах Таню размогло — захотелось спать.

Скоро мама кончит доить? Уже часть полных бидонов поставили на грузовик, который поджидает молоко и доярок, чтобы отвезти их на скотный. Но много ещё бидонов стоит на земле. Славно здесь, на лугу, хорошо бы привести сюда Свету. Да ведь она коров боится. У Матрёны Ивановны есть корова Роза. Света признавалась смущённо: «Знаешь, когда этот длиннорогий цветочек возвращается домой, я скорей на крыльцо забираюсь. Поближе к открытой двери». Хорошая Света. Сколько она интересного рассказывала Тане про Ленинград, про свою ленинградскую школу! А рассуждает как занятно. Про всякие слова. Например, что значит слово «благодать». Света говорит, что прежде она этого слова не знала, но здесь, в Дымове, её бабушка часто говорит: «Что за благо-

дать вокруг! Ну и благодать!» И Света догадалась, что «благо-дать» это значит давать «благо», что-то доброе, хорошее давать. И что слова «благо-дарю», «благо-дарность», «благо-родство» — все похожие и все хорошие. А ещё Света часто думает, почему говорят: «надулась, как мышь на крупу»? Ей кажется, что на крупу мышь не будет дуться, сердиться, значит, а просто эту крупу съест. Свете хочется увидеть надутую мышь. Про разные всякие слова и выражения думает Света — откуда они взялись, кто их придумал? Таня никогда прежде про слова не думала, а теперь и ей стало любопытно. Света умная, много знает. А вот коров боится. И ужей. Увидела ужа и попятилась, думала, что это ядовитая змея. Ну что ж, если она их прежде не видела. В Ленинграде ужи по улицам не ползают. Попади Таня в огромный Ленинград — наверно, тоже чего-нибудь напугалась бы. И в пещеру-блиндаж лезть Света тоже боялась. А всё-таки лезла...

— Наталья, а Наталья! — крикнула одна из доярок, остановившись с полным подойником, который она несла, чтобы перелить молоко в бидон. — Девчонка твоя сидит, дожидается. Не видишь?

Мать как раз хлопнула ладонью по боку подоенную корову, чтобы та отошла. Она быстро оглянулась.

Таня вскочила с травы, кинулась к маме, с сияющим видом протянула запечатанный конверт:

— Гляди, мамушка! От Анатолия! Его почерк! И полевая почта — обратный адрес!

— Умница ты моя! На пастбище принесла! Бежала такую даль! — Мать торопливо вытерла руки краем халата, бережно взяла конверт.

— Читай, мам, скорей! Мне очень некогда. В утятник бежать надо.

— И всегда-то ей некогда, этой егозе! — усмехнулась подошедшая доярка. — Ну, что сынок пишет?

Танина мать, жадно читавшая письмо про себя, вздохнула глубоко и удовлетворённо:

— Всё хорошо! Жив-здоров, всем кланяется. На сложном задании, пишет, побывал. А на каком, точно не сообщает...

— Да как же он сообщит? — ввернула Таня. — Пограничник же он. У них там на границе военная тайна!

Обе женщины посмотрели на Таню и засмеялись: уж очень строгим стало Танино загорелое лицо с облупившимся курносым носом.

— А вот это специально для тебя, — сказала мать и прочла: — «Танюха, смотри матери помогай, а то ты со своими пионерскими делами способна про всё забыть, я тебя знаю!»

— Ну-у, вот ещё какой! — Таня силилась обиженно нахмуриться, но губы сами расплзались в улыбку: хоть и ленив старший брат на письма, не часто балует весточкой, и хоть занят по горло своей пограничной службой, а о сестрёнке не забывает.

На минутку Таня прижалась головой к локтю матери:

— Ну, я пошла. Правда же мне некогда! Света, наверно, уже там. Мы условились пораньше прийти.

Она побежала в деревню, а оттуда — к озеру. Но когда, к самому началу их смены, Таня добралась до утятника, Светы там не оказалось.

ВОПИЮЩАЯ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

Света сидела в огороде на врытой в землю скамейке и, стиснув от злости зубы, глотая слёзы, шила куклино платье.

Папа постоянно твердит Свете: «Уважай бабушку! Она всю свою жизнь трудилась». Где бабушка трудилась, на какой работе, Света не помнит. Вот что папа у Светы инженер, а мама — медицинская сестра, это она хорошо помнит. А про бабушкину трудовую жизнь как ей помнить, если бабушка на пенсии с тех самых пор, как Света родилась? Мельком Света слышала, что бабушка когда-то была бухгалтером. Ну, и что с того?

Уважает ли она свою бабушку, Света и сама толком не знает. Но она её любит. И бабушка Свету тоже очень любит. В четвёртом классе Света долго болела, сначала гриппом, потом бронхитом. Столько в школе пропустила, что все даже

испугались, не осталась бы она на второй год. На второй год она не осталась, но отправлять её в пионерский лагерь врачи не посоветовали. Там, мол, бегают много, и скачут, и в речке купаются. А Свете после болезни надо жить поспокойнее: гулять по воздуху, целый день посиживать, а то и полёживать где-нибудь под соснами, побольше пить молока, жиру набирать.

— Ей, конечно, нужен индивидуальный отдых! — заявила бабушка. — И я ей этот инди-ви-дуаль-ный отдых обеспечу!

Бабушка советовалась со знакомой молочницей, с кем-то списывалась... Ведь это благодаря бабушке Света очутилась здесь, в Дымове, в избе Матрёны Ивановны, свинарки совхоза «Заря».

Любит бабушка свою внучку — в этом нет сомнения. Однако без конца устраивает ей несправедливости. Несправедливостей от бабушки Света натерпелась столько, что в десять товарных вагонов не уместить. А товарные вагоны гораздо просторнее пассажирских: там нет полок для лежания.

Вот, например, на улице сухо, дождь пойдёт, может быть, послезавтра — не раньше, а бабушка требует, чтобы Света надела галоши. Или гуляет она со Светой в солнечный день на Кировских островах, все дети на километр вокруг едят мороженое, а Свете бабушка не разрешает: «Нельзя! Горло простудишь!» Да что говорить — на каждом шагу несправедливости. Но уж такой несправедливости, какую бабушка в это утро сотворила, Света даже от неё не ожидала. Просто вопиющая несправедливость!

Около часу дня Света плотно пообедала, сказала «спасибо», встала из-за стола и надела шляпу.

— Вот как покушала славно! — радовалась бабушка. — Что значит воздух деревенский, сразу аппетит улучшился. А ты куда это собираешься?

— Как куда? В летний утиный лагерь пойду.

— Да ведь ты там вчера была. И позавчера. И третьего дня...

— Работать, — важно сказала Света, — каждый день полагается.

Бабушка так и подпрыгнула на табуретке, на которой сидела.

— Как работать? Разве ты на работу нанялась? — И стала смеяться.

Света обиделась.

— Не нанялась, а попросилась. Мне звеньевая Глаша разрешила звену помогать. Что тут смешного?

Бабушка во все глаза смотрела на Свету:

— И что же ты там делаешь?

— Кормá раздаю.

— «Кормá»! — фыркнула бабушка. — Скажите, пожалуйста, как ветеринар выражается.

— При чём тут ветеринар? Какая ты бабушка! Ещё воду ношу.

У бабушки очки были на лоб подняты. Тут глаза у неё тоже на лоб полезли — к самым очкам.

— Таскаешь ведро с водой?! После болезни!

— По половинке ведра. По полному Глаша сама носит. И мальчишки. Только не Витя.

— Никакой Витя меня не интересует, — отрезала бабушка. — Так вот, матушка, мой тебе сказ: ни к каким уткам ты больше не пойдёшь!

— Я в летний лагерь не пойду?

— Ни в летний, ни в зимний не пойдёшь!

Света ещё не плачет, ещё на бабушкину сознательность надеется. Говорит решительным тоном:

— Я, бабушка, взялась помогать! И теперь уже неудобно мне отлынивать. И даже невозможно.

Бабушка своё твердит:

— В утятник не пойдёшь! И не думай! В лес со мной пойдёшь, как с делами справлюсь. За земляницей.

Помолчала Света и говорит:

— А ты понимаешь, бабушка, что в нашей стране трудовое воспитание?

— Про трудовое воспитание понимаю, — отвечает бабушка. — Но к тебе оно в данной местности не относится.

— Пионерка в каждой местности остаётся пионеркой.

— Ты мне лекции не читай! — рассердилась бабушка. — Я за тебя перед отцом-матерью в ответе. Вёдра таскать! Не пушу!

— Сама уйду.

— Посмей только — у меня сразу сердечный припадок случится.

Вот тут и полились у Светы слёзы из глаз: с сердечным припадком не поспоришь.

И теперь сидит она в огороде, шьёт с горя. Иголка через сырую материю протыкается плохо: платье куклино слезами смочилось. Ведь она уже привыкла, полюбила утятник!

А когда в первый раз вошла за изгородь, на выгул, так и остановилась, боясь сделать шаг. Казалось, вот-вот наступит на утёнка! Вперевалку разгуливают утята возле самых ног, и лежат, и стоят...

— Ой, Танечка, сколько их! — жалобно воскликнула тогда Света.

— Да совсем их мало! — сказала Таня. — Это на других участках их тысячи. А у нас в одной группе сотня утят да в другой сотня. Это тебе с непривычки кажется, будто их много. Совсем немного. Но больше нам не обязательно. Ведь наш участок опытный.

— А как вы опыты делаете? — спросила Света.

— У нас две группы одинаковые: утята в них одинакового возраста, примерно одинакового веса. И помещения у них одинаковые. Но опытным утятам мы дополнительно даём антибиотики, биомизин. И зелёной подкормки, травы, вдвое больше даём, чем контрольным. Зато концентрированных кормов меньше. И минеральные вещества добавляем...

Всё-всё Таня Свете объяснила. Сначала Света только смотрела, что ребята делают. Вот Таня зачерпнёт ведром воды из озера и, ловко лавируя между утятами, отнесёт ведро к длинному узкому корытцу, выльет в него воду. «А зачем воду в полки наливать?» — подумала сперва Света. Но, присмотревшись, поняла, что так надо. А если утёнок на середине выгула отдыхает и пить захочет? А главное, кормушки, такие же ко-

рытца, как поилки, не возле воды, а по всему выгулу расставлены. Поест утёнок да сразу и напьётся.

Ребята и Глаша вёдрами носили желтовато-серую массу вроде каши. Вываливали кашу из ведра в кормушки, разравнивали палочкой, чтобы по всему корытцу равномерно легла. Свете эта «каша» показалась не очень аппетитной. Но утятам она нравилась. Сразу со всех сторон облепили кормушки и подхватывают клювами свой обед.

— Полное ведро не набирай — половину, — говорила Глаша Любе. — Лучше несколько раз сходишь.

Сама Глаша носила доверху полные вёдра. Саша вёдра быстро таскал и так быстро в кормушку вываливал, что и не разберёшь, сколько корма у него в ведре — много или мало. Часть «каши» падала из его ведра мимо кормушки, на землю.

— Саша, аккуратнее! Никто за тобой не гонится! — делала ему замечание Глаша.

А Вите не было надобности указывать, чтобы не таскал слишком тяжёлое и не торопился. Он приносил корму понемножку, вываливал его в кормушки аккуратно, не спеша.

Начав работать, Света сперва стеснялась. Как-то неловко всё у неё получалось: то споткнётся с ведром в руках, ноги себе водой обольёт, то, вроде Саши, корм мимо кормушки насыплет. Но постепенно она научилась двигаться ловчее и быстрее.

Как-то Глаша даже ей посоветовала:

— Посиди, Света, отдохни! Уж очень ты стараешься.

А утята-то какие забавные! Хорошенькие. Глазки чёрные, живые. Пёрышки белеют на солнце. Крылья совсем коротенькие. Когда утёнок заторопится, подбегает, то крылья поднимает, и видно, что это ещё не крылья, а так — отросточки.

На озеро прищуришься — перед глазами голубое и белое вперемежку. Красиво!

И в такое чудесное место бабушка её не пускает!

Света пуще слезами залилась. Вдруг позади неё раздался какой-то странный звук:

— Хмы-хмы!

Откашливается кто-то?

Света оглянулась и даже со скамейки привстала от удивления: из-за плетня круглый ком жёлтой соломы лезет, во все стороны соломинки из него торчат. Да это мальчишкина голова! Волосы соломенного цвета... И как Сеньку в утятник пускают такого нечёсаного? В класс ни за что бы не пустили. Посмотрел Сенька на Свету своими небольшими, будто сонными глазками, потом спросил:

— Плачешь?

Кивнула Света головой и всхлипнула.

— Ты чего на утятник не пришла? Таня меня послала... Может, ты заболела?

— Н-н-не... заболела... — Слёзы у Светы сдавили горло, и голос от этого писклявый-писклявый, как у мышонка. — Меня... бабушка... н-не... пускает.

— Дык что ж теперь делать? — Сенька почесал в затылке.

— Дык я почём знаю? — пропищала Света. Вдруг заметила, что она тоже «дык» сказала, и ей ещё горше сделалось. От слёз даже Сеньку плохо различает. Но уши Свете не заложило, и сердитый бабушкин голос она услышала:

— Раздыдыкались! За какие грехи мне такое наказание? Парламентария, что ли, за Светой прислали? Ну, пойми ты, мальчик, что она целую зиму болела! Утомляться ей никак нельзя! Я за неё перед отцом-матерью в ответе!

Переминаясь с ноги на ногу по ту сторону плетня, Сенька вздыхал.

Бабушка примолкла, чтобы перевести дух, и тут Света сказала жалким мышинным голосом:

— Очень я боюсь, бабушка, как бы мне тебя не возненавидеть! За то, что ты мне так жизнь портишь, всю меня губишь! Я просилась помогать, мне разрешили, а я... Стыд какой! И там Таня, Люба, у-утя-а-точки!.. — Опять Свету слёзы задушили.

Несколько секунд бабушка молча смотрела на Свету. Потом снова разошлась:

— И зачем мы сюда приехали? Да кто же знал, что в эта-

кой благодати утят разводят? Все, можно сказать, условия для отдыха — и воздух, и молоко, и лес... И вдруг, — на тебе! — утки! Как тебя зовут, мальчик?

— Дык Сенька ж!

— Так вот, Сеня, я тебе эту глупую девочку поручаю. Вид у тебя, прямо скажем, не совсем надёжный, но раз уж тебя за ней прислали... Таню я поймаю за косички и поговорю с ней ооооо. А сейчас... Но ты учти: будет у Светы солнечный удар, с тебя спрощу!

Света почувствовала, что слёзы у неё не текут, а, наоборот, высыхают. Глупости какие бабушка говорит! Солнечного удара у неё, разумеется, не будет, но если бы и случился вдруг солнечный удар, что бабушка Сеньке за это сделает? В тюрьму посадит или на второй год в четвёртом классе оставит?

— И чтоб нигде после вашей ра-бо-ты не задерживаться! — гремела бабушка. — «Возненавидеть боюсь» — выдумала! Варенья хотите?

Света швырнула шитьё на скамейку, подскочила к бабушке, чмокнула её в морщинистую щёку:

— А мы варенье после работы съедим! Верно, Сенька?

Бабушка оторопело заморгала. Потом отчаянным голосом закричала вслед убежавшей внучке:

— Шляпу, шляпу, негодница, забыла!

За шляпой Света вернулась — это дело секундное.

СВИСТ НА ПРИГОРКЕ

Любе приснилось, что двухлетний братишка хлопнул её по уху самой звонкой из своих погремушек. Потом перед Любой возник Саша. Засмеялся весело и в один миг обрушил Любе на голову шкафчик с посудой. Звон, дребезг! Перепуганная, рассерженная Люба протянула руку, чтобы схватить обидчика за кудрявый чуб, и... открыла глаза.

Розовый свет утренней зари пробивался сквозь занавеску.

Не было ни Сашки, ни опрокинутого шкафчика, ни разбитой посуды. А дикий трезвон продолжался.

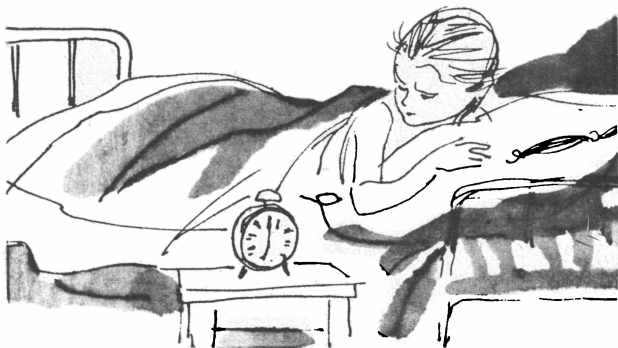
— Люба, да нажми ты кнопку! — донёсся из другой комнаты сонный голос матери. — Лёшку разбудит!

Наконец Люба заставила замолчать будильник.

Сидя на мягкой перине, она зевнула, потянулась. А что, если сунуться носом в подушки, закрыть глаза? Всё тело охватит сладкая истома, волны сна закачают её... Какое блаженство!

Ох, и любит же она поспать! Мама всегда говорит: «Сонюшка-засонюшка! Напрасно дочку Любой назвали, надо было Соней назвать». А бабушка одобряет: «Вот и хорошо! Оттого наша Любаша и гладенькая и здоровенькая, что сон ей в охотку».

Если бы кто знал, до чего Любе трудно вставать такую рань! Все спят и не чувят, как Люба мучается. А что им? Мама у Любы продавщица, она в магазин к восьми уйдёт, в девять откроет. У папы вообще работа вечерняя: уезжает или уходит в село в клуб, где он киномехаником, уже к вечеру. Бабушка встаёт рано, корову доит, в стадо провожает. Но на ба-

бушку Люба не надеется. Забудет старенькая или пожалеет внучку разбудить. Пусть уж лучше будильник терзает Любины уши.

Подушка притягивает Любу, как магнитом. Ни одна лужа так Дыдыка не притягивала. Люба зажмуривает глаза, чтобы не смотреть на подушку. Ещё хоть минуточку поспать! Одну, самую маленькую минуточку! Нет, нет и нет!

Если бы только самой Любе угрожала опасность опоздать на первую утреннюю смену в утятник... Но позволить опоздать этому лоботрясу! Да ни за что на свете!

Люба выскакивает из тёплой постели, в одной рубашке кидается к раковине, плещет холодной воду на руки, на лицо, на шею, стремительно одевается, кое-как причёсывается, залпом выпивает кружку молока, с вечера поставленную для неё на столе, ватрушки хватает в руку — жевать можно и по дороге. В дверях она сталкивается с бабушкой. Та несёт подойник с молоком.

— Парного попей на дорожку! — шёпотом просит бабушка, с жалостью глядя на свою хорошенькую, растрёпанную, всё ещё слегка одурелую со сна внучку.

Люба отмахивается от бабушки. И вот она уже бежит вдоль улицы на другой конец деревни.

Тракторист Иван Дёмин всегда говорит про младшего брата:

— Простыми пушками Сашку нипочём не разбудишь. Разве что «катюшами».

Саша и в самом деле спит необыкновенно крепко. Пронзительный свист, который влетает в открытое окошко, слышит вся семья. Но Саша его не слышит. Призывный свист, длинный, залиvistый, доносится с ближнего пригорка, а Саша и не пошевелится. Матери приходится его расталкивать.

— Вставай, Сашок! Твоя пришла, на работу вызывает, — с усмешкой говорит мать и тормошит Сашу за плечи.

— Ты, что ль, выучил её так свистеть? — сердится брат. — Вставай, чёрт, крикни: «Иду!» Ведь куда не отзовёшься, твоя шефша так и будет разрываться.

Сашка послушно высовывается в окно и хрипло со сна орёт:

— Иду-у!

Но горе ему, если станет копать: неумолимый свист снова вызовет насмешки, шуточки домашних, а то и подзатыльник от сильной руки Ивана. Поневоле Саша торопится. Хлопая отяжелевшими веками, поспешно натяливает рубашку и штаны, что-то глотает на скорую руку...

Поджидая на дороге сбегающую с пригорка Любу, он стоит хмурый, дрожа от утренней свежести.

— И не стыдно так свистеть? — бормочет Саша, придерживая за руль велосипед. — Была б хоть мальчишка, а то девка и... так свистеть!

— Может, шёпотом тебя кликать прикажешь? — насмешливо отзывается Люба. Снѣ у неё уже ни в одном глазу. — День какой будет погожий! — Она глубоко, с удовольствием вдыхает воздух.

Нежно-розовое небо внезапно жарко вспыхивает: из-за леса показывается солнце. Оно протягивает над верхушками деревьев первые сияющие лучи. И сейчас же в кустах начинают посвистывать птицы, изумрудной становится листва, с каждой секундой воздух теплеет.

— Ну, садись! — вздыхает Саша. — Чтоб ты провалилась! Люба смеётся и вскакивает на велосипед впереди Саши.

— А ты меня не перекинешь в канаву?

— Непременно перекину!

— Попробуй только!

До поворота велосипед катится ровно. Теперь всё, что делается на дороге, видно с утятника. Миновав поворот, велосипед начинает выделять немыслимые кренделя.

Люба взвизгивает от испуга:

— Сашка, перестань! Останови, — слышишь?

Едва он притормаживает, она соскакивает на землю и с гордым видом идёт по обочине, даже не оглянувшись на велосипед, кривляющийся посреди дороги.

«Вот теперь совсем проснулся, балда!» — думает Люба.

Сколько ей приходится терпеть от Сашки! Дразнит он её с утра до вечера, велосипедом на неё наезжает, за косу дёргает, привязывается на каждом шагу, как липучка от мух. А всё равно её верх: опаздывать-то на работу она ему не даёт!

Опаздывал Сашка без конца. Глаша даже грозилась совсем его из звена исключить за опоздания. Таня расстраивалась: «Да что это в самом-то деле? Хоть бы кто-нибудь, что ли, заходил за Сашкой по утрам? Шефство бы над ним взял! Ближе всех к нему живёт Витя». Лицо у Вити стало недовольное... И вдруг, неожиданно для самой себя, Люба сказала: «Ладно уж, буду его будить! Не дам ему опаздывать, звено позорить». Саша так и прыснул: «Ты шефство возьмёшь? А кто в школу опаздывает? Кто у нас известная соня?»

Вот тебе и «соня»! Оказывается, Люба не только сама с собой может справиться, а и с отъявленным лодырем. И так она этому рада! Нелегко заставить себя делать то, что не нравится. Зато как потом приятно!

ЭТАЛОН И СТОЛБИК

В это утро ребят поджидала в утятнике потрясающая новость. Пришло звено на участок. Все ждут, когда Глаша скажет, что кому делать. А Глаша на ребят смотрит:

— Да неужели вы ничего не замечаете? Вот ненаблюдательные! Приглядитесь к утятам.

Все стали разглядывать утят. Девочки так и ахнули, а мальчики огласили участок радостными криками. Ещё бы! У каждого утёнка на ноге металлическое кольцо с номером. Утята-то окольцованы — чудеса!

Глаша улыбается изумлению ребят.

— Нам давно обещали утят окольцевать. Потому что наш участок опытный. С кольцами легче, меньше обезлички. Я вам нарочно заранее не говорила, чтобы не приставали:

когда да когда? Наконец, вчера директор совхоза Тихон Петрович привёз из города кольца, и вечерняя смена всё это проделала.

Очень была Глаша довольна, что ребята так радуются, но вскоре стала сердиться:

— Будет вам! Перестаньте! Совсем утят захватили, — это им вредно!

Всех утят по очереди ребята брали на руки, рассматривали кольцо на лапке.

Восклицания так и сыплются:

— Семнадцатый номер!

— Девяносто пятый! Кольцо какое блестящее! Твёрденье.

— Сороковушка! Ах ты, мой миленький! — приговаривает Люба.

— А у этого первый номер! Первый — надо же! — Голос у Саши до того громкий, что Света уши руками прикрыла, когда он возле неё крикнул.

— Ка-а! Ка-а! Ка-а! — стоит над участком прерывистый тревожный гомон.

Ведь это большие, взрослые утки отчётливо произносят: «Кря-кря!» В спокойном состоянии утёнок тоже крикает. А когда утят много и они мечутся, то кричат они:

— Ка-а! Ка-а!

Переполошились утята. Разбегаются с криком. А ребята их ловят, кольца разглядывают.

— Нет, это безобразие надо немедленно прекратить! — Глаша раскраснелась от возмущения. — Вы что, и правда, хотите, чтобы утята похудели от волнения? Сейчас же успокойтесь! Отойдите все подальше от уток, или я вас на сегодня совсем выгоню, не допущу к работе! Ну, живо! Думаете, я одна с двумя сотнями уток не справлюсь?

Все испугались, как бы Глаша и в самом деле не выставила их с участка. Утят из рук выпустили, к загонам отошли. Издали показывают друг другу на своих питомцев, шепчутся.

— Видишь, вон утёнок вытянулся, как столбик? —

говорит Таня Свете. — Это восьмой номер, я заметила. Я и так его часто отличала от других утят; всё он стоит вытянувшись. Будто столбик беленький. А теперь я смогу по номеру проверить, точно ли это он? Столбиком звать буду.

— И я Сороковушку от других теперь отличаю, — радуется Люба. — Вон она ковыляет. Перья немножко растрепанные. Я потом вам докажу, что не ошибаюсь.

Потихоньку от Глаши ребята затеяли преинтересную игру. Понадавали утятам имена и на спор угадывали, тот или не тот номер стоит у изгороди, или у кормушки, или к озеру направился? Работают, а сами переговариваются:

— Вон Пятёрочка бежит! У неё на спине царапинки, я запомнила.

— А по-моему, это семнадцатый номер!

И будто невзначай подойдут да проверят по кольцу на лапке, кто к озеру подошёл — Пятёрочка или семнадцатый.

Утята ведь все очень друг на друга похожи. На первый взгляд совсем одинаковые. Прежде ребята всего несколько штук различали: у одного лапка кривоватая, его прозвали Кривулей, другой худенький, почему-то хуже других растёт — Слабуша, третий, наоборот, крупнее остальных. Витя его Эталоном назвал.

— Все утята на этого должны быть похожи, — говорил он. — Поэтому и нужно называть его «Эта-лон».

— Подхватил где-то словечко, — сказала ему Света. — По-моему, ты и сам хорошенько не знаешь, что оно значит. Ну, и что ж из того, что Эталон — крупный утёнок? Все наши утята с каждым днём укрупняются; вон как они быстро растут!

Но, как бы то ни было, прежде ребята не были уверены, какого именно утёнка Витя называет Эталоном, а теперь точно знали, что Эталон — номер пятьдесят седьмой. И всем было очень интересно примечать, сильно ли он отличается от других утят.

С окольцованными утятами работать стало ещё лучше.

Только одно сделали не совсем ладно: в опытной и в контрольной группе номера повторялись. Директор совхоза привёз два комплекта колец, в каждом комплекте по сто колечек. И вот получилось, что в контрольной группе номера с первого по сотый. И в опытной группе номера с первого по... девяносто седьмой. Трёх утят в опытной группе не хватало. Но, в конце концов, не так это было важно, что номера повторялись. Опытный участок был разделён пополам загородкой, утята не перемешивались.

„ПУСТЬ ЖИВУТ СЧАСТЛИВО!“

Трёх утят из семи убежавших через дырку в изгороди так и не нашли. Это всем портило настроение. Особенно огорчалась Таня. Она очень жалела пропавших утят, твердила без конца:

— Наверно, они где-нибудь сидят, выбраться не могут. От слабости и пищат, бедняжки, еле слышно. И всё надеются, что мы их спасём! Сидят и надеются.

Саша рассуждал иначе:

— А может, наоборот, плавают себе где-нибудь в зарослях, нахалы, и в ус не дуют. А мы тревожимся. Не такие уж они маленькие, чтобы сразу пропасть.

— Конечно, не обязательно погибли, — соглашался Сенька. — Разве лиса встречу попалась да слопала.

— Ой, не говори, не говори! — ужасалась Таня.

— Биокорму кругом сколько угодно! — авторитетно заявил Витя. — Прожить они могут на воле хоть всё лето, только одичают.

— А вдруг к диким уткам пристанут? Во здорово! — У Сеньки загорелись глаза. Это было так для него необычно, что все на него посмотрели.

— Дикие не примут в свою стаю, заклюют, я читал... Но что уж так расстраиваться, если и съедят утят лисы. Всё равно же их съедят!

Теперь всё звено уставилось на Витю.

— Кто съест? — спросила Люба.

— Как кто? Люди. Для чего и выращивают уток? Вы что, не знаете, что двухмесячных, ну, постарше немного, их в город отправляют? На мясо.

Свете вдруг стало как-то невесело. Она опустила глаза. И все ребята примолкли. Люба вздохнула три раза подряд. У Тани брови сдвинулись. Саша пожал плечами и пнул ногой камешек. Сенька пробормотал: «Дык что ж...» — и стал пялиться на ствол берёзы. После работы ребята сидели на лужайке у входа на участок и обсуждали, где ещё искать утят.

— Таня оплакивает трёх уток, а не думает о том, что совхоз их тысячами сдаёт на убой, — продолжал Витя.

— Какой ты, Витя! — с упрёком сказала Люба.

Саша глянул на неё искоса и взорвался:

— А ну молчи, Витька! Осёл! Будто без тебя не знают, для чего уток разводят. Умничает тут!

— В самом деле... — промолвила Света.

Сашино возмущение было ей очень понятно. Все они, конечно, знали, что уток разводят на мясо. Для того, чтобы быстро получить много хорошего мяса, и существуют утятники. Но о том, что утят, за которыми они ухаживают, съедят, ребята никогда не думали. Они растили этих утят, радовались на них...

— Чего тут рассусоливать? — буркнул Сенька. — Делай своё дело! Дык мы будто не соображаем, для чего утки, а чего ж... так-то?

Таня сидела на скамейке нахмурившись и молчала. Внезапно она встрепенулась:

— Ребята, а я поняла... Вот что! Мясо нужно; кто спорит? И не одних уток едят. А и гусей, и других животных. Только пока их не свезут, они и не знают об этом, — значит, им всё равно...

— Не переживают заранее! — насмешливо вставил Витя.

— Молчи! — рявкнул Саша. — Говори, Таня, что ты поняла?

— Вот пока их не отвезут, они должны жить хорошо. Понимаете? И не только для того, чтобы жиру нагулять, а просто так, потому что всякому — и щенку, и утёнку, и тебе, Витя, — хочется, чтобы сытно ему было и весело, и чтобы не холодно... Ну, словом, чтобы по-человечески жилось. Вот мы и выращиваем утят так, чтобы им хорошо жилось. Понимаете? А кроме того, ребята! Ведь их могут и не свезти скоро, наших утят; разве вы не знаете? Ведь если мы хороших уток вырастим, их не отвезут на мясо, а сдадут в маточное стадо, которое яйца несёт. И они будут ещё долго жить. Так что, когда ещё что будет... А пока пусть живут счастливо!

— Слушай, Витька! — внезапно изрёк Сенька. — А ведь

и ты тоже когда-нибудь померёшь, не только утки. Конешное дело, тебя не съедят, но какой-нибудь конец для каждого живого, это самое... настанет.

Витя покраснел:

— Дурацкие сравненья! Я человек, а утка — птица...

Язык у Дыдыка ворочался очень уж неторопливо. Оказалось, что он ещё не договорил.

— Скала тоже когда-нибудь прикончится... А потом новая скала получится. И новые люди, и новые утки... И собаки...

— И земляные червяки! — весело подхватила Таня. — Ты скоро, Сенька, кончишь перечислять? Так можно до вечера: и бабочки, и крокодилы, и львы, и улитки!

Люба, Саша и Таня стали смеяться. Сенька сидел со всегдешним сонным выражением, словно и не он только что ораторствовал.

Солнце светило так ярко, вода блестела. Света смотрела на белые пятна, колыхавшиеся на озере, и думала:

«В самом деле, пока их не съели, пусть живут счастливо!»

ЕСТЬ ЛИ ВОРЫ?

Всем надоело без толку обшаривать кусты, заглядывать в ямы, лазить в зарослях осоки. И никто этого уже не делал. Только одна Таня продолжала упорно заниматься поисками пропавших утят. Настойчивость Тани изрядно измучила Свету. Часами Таня бродила вдоль озера, лазила по обрывам, кликала потеряшек и при этом обжигалась о крапиву, обдиралась о сучки. А Света тащилась следом. Сказать по правде, найти утят она уже потеряла надежду: ведь они с Таней двадцать раз проходили по одним и тем же местам. Но как могла Света бросить свою расстроенную подружку?

На третий день, примерно, после разговора о конце утиной, крокодилей, бабочкиной и Витиной жизни Света сидела на бугорке недалеко от утятника и с жалостью прислушива-

лась к Таниному голосу, доносившемуся из-под обрыва. Таня обшаривала осоку. Каждые три — четыре минуты слышался её терпеливый зов:

— Уть-уть! Уть-уть!

Света огляделась. До чего же кругом хорошо! Тихо-тихо. Небо, огромное-огромное, жёлто-оранжевое от заходящего за лесом солнца, отражается в озёрной глади...

Стало смеркаться. Утиная стая на выгуле уже не так ярко белеет. Уже и вечерняя смена ушла домой: сторожиха тётя Анисья где-то ходит, одна на весь утиный лагерь. Ни души вокруг. В тишине Танин голос время от времени звенит: «Уть-уть! Уть-уть!» Когда же она домой отправится? Без неё Света уйти не может, а пора. Ох, будет её бабушка ругать!

Глядит Света с холмика на белёсые пятна, усеваяющие землю, и думает: а вдруг бы вместо утят здесь белые зайчики оказались. Вот поскакали бы через загородки! Загородки-то невысокие. Это утки через них не перелетят, тем более, у полуторамесных утят ещё и крыльев настоящих нет. А зайчики так и попрыгали бы врассыпную!

Только она такую картину, как зайчики через изгородь скачут, себе представила, как вдруг белый комок-утёнок вверх взвился. Что такое? Батюшки! Ведь утёнок не зайчик! А тут и второй в воздух взмыл. Шея вытянулась, ноги болтаются, будто кто схватил утёнка за шею. В один миг промелькнули два белых комочка в воздухе.

Света глаза таращит. Нет, неподвижны на земле белые пятна: спят утята. Погода стояла хорошая, их и на ночь в загоны не загоняли. Протёрла Света глаза. Да ничего больше нет: никто не скачет. Вот странности! Померещилось, видно. Размечталась она в сумерках о зайчиках, вот и показалось.

Подошла грустная Таня:

— Пойдём домой. Видно, и правда, искать больше не стоит. Ну, куда они делись? Лиса если утащила, так хоть бы пёрышко где валялось...

Ничего Света не сказала Тане про скачущих зайчиков-утят. Наверно, ей просто показалось. Зачем про всякую чепуху рассказывать?

А наутро предыдущая смена, семиклассники, встретила Глашино звено криком:

— Ещё двух утят нет! Наверно, это у вас потерялись! Вы смóтрите плохо. Дырок нигде нет, а двух утят не хватает. В контрольной группе!

— А ты, девочка, чего такая красная? — спросил Свету один семиклассник.

Света молчала, глядя в землю.

— Да что ты пристал? — накинулась на семиклассника Таня. — Вы так напали, что просто напугаться можно! Света ведь из Ленинграда; у них пионеры, наверно, вежливые.

«Не всегда-то наши пионеры вежливые», — мельком подумала Света. Но неужели ей вчера не показалось, что утята взвились в воздух? Неужели и правда чья-то рука высунулась из кустов и похватила утят? Но Таня говорит, что нет в деревне воров. А Таня всегда говорит правду. Но ведь утащить могут только вору... Совсем Света запуталась в своих мыслях.

Помогая Сеньке мыть поилки, она всё о том же думала: показалось ей или нет?

— Ты воду на ноги себе льёшь, — сказал Сенька. — Со мной-то часто случается, а ты вроде аккуратная. Дык что ж теперь? Таня-то?

— А что Таня?

— Этих утят тоже будет без конца искать?

— Не знаю.

— Прямо её жалко. Вчера я тут у выгула проходил, слышу, зовёт. Значит, ищет.

Света насторожилась:

— Ты вчера возле выгула проходил? Когда? Я ведь тоже недалеко сидела. Таню ждала.

— Да уж в сумерках. Я тебя не заметил, я вон там проходил. — И показал Сенька на то самое место изгороди, где Света видела, как утята в воздух взлетели.

С разинутым ртом девочка смотрела на Сеньку. Потом спросила чуть слышно:

— А... ты проходил... ничего такого... не видел?

— Дык чего ж я мог видеть? Кусты, уток на участке...

И почудилось Свете, что Сенька глаза отводит. У неё даже горло сжалось от испуга. Но нет, не может быть, чтобы Сенька утят уворовал! Но ведь он был в этом самом месте...

Проходившая мимо Глаша подбежала к Свете:

— Ты что так побледнела?

— Голова заболела почему-то...

Глаша взяла Свету под руку, отвела в тень под навес:

— Посиди в холодочке. Может, тебе, и правда, вредно работать? Бабушка твоя, говорят, возражала. Иди домой!

— Ничуть мне не вредно. Всё прошло! Ты, Глашенька, только, пожалуйста, моей бабушке не говори, что у меня на секунду голова заболела.

— Ну, смотри! Я пойду, мне некогда. Кликни в случае, если нехорошо станет, Таню, ребят. Посиди, не работай!

Сидит Света в холодке и о Сеньке думает. Всё, что слышала о нём, вспоминает. Живёт Дыдык плохо. Гораздо хуже, чем другие ребята. Отца у Сеньки нет, мать работает на свиноферме. Вообще свиноводы зарабатывают хорошо. Но мать у Дыдыка не настоящая свиноводка, а просто так: то навоз сгребаёт, то корм подвозит... И потом, она, говорят, пьёт водку, пропивает зарплату. Сенька у неё не только грязный, а часто даже голодный ходит.

Свете вспомнился один случай. Как-то днём в воскресенье она, Сенька и Таня сидели у Фёдоровых в палисаднике. Вышла Танина мать и всех троих позвала обедать. Света стала отказываться: «Меня бабушка ждёт с обедом. Мне сейчас не хочется. Спасибо». Сенька тоже пробормотал «спасибо» и шагнул к калитке. Таня ухватила его за рукав и топнула ногой: «Идите сейчас же!» Прикрикнула она шутивым тоном, но за Сенькиной спиной строго и как-то по-особенному посмотрела Свете в глаза. Удивлённая Света послушно пошла в избу. За ней и Сенька пошёл. А за столом она заметила, с каким аппетитом, за обе щёки уплетает Дыдык борщ, и вдруг поняла, что Таня и её мать непременно хотели накормить Сеньку, а одному, без Светы, ему было бы неудобно

сесть за стол; и ей стало стыдно, что она, такая недогадливая, перечила Тане...

Утащить утят, чтобы их съесть, — этого Сенька не делает, а вот продать... и на эти деньги что-нибудь купить... И не обязательно из еды, а у него штаны совсем истрёпанные... Разыгралась у Светы фантазия. Чем дальше, тем больше всякое в голову лезет.

А тут, как нарочно, Сенька к ней подошёл:

— Прошла у тебя голова? Странно, ты ведь в шляпе соломённой, она хорошо защищает от солнца. Завтра я на утятник не приду, мне надо на базар, мать посылает...

У Светы заколотилось сердце. Наверно, мать-пьяница заставила Сеньку стащить утят, чтобы продать на базаре!

Опустила Света голову, взглянуть на Сеньку боится. Нет, совсем не известно, есть ли в Дымове воры!

НИНА СЕРГЕЕВА

Света поражалась своей недогадливости.

Сколько раз она видела издали, на самом большом участке летнего утиног лагеря, тоненькую белокурую девушку. Да каждый день видела. Совсем молоденькая девушка. Под белым платочком прилажен у неё над лбом бумажный навесик-козырёк от солнца. Расхаживает она в цветном сарафанчике среди огромной белой утиной стаи. Издали кажется, что под ногами у девушки пласты снега. На этом дальнем, «взрослом», участке и другие люди появлялись: девушки, женщины, возчик дядя Кузьма. Тоненькую белокурую девушку Света только из-за бумажного козырька и заметила.

Много раз она слышала от Тани, от других ребят, от Глаши про Нину Сергееву, лучшую утятницу совхоза. Каких успехов в работе она добилась, как ездила на всякие совещания в область, в Ленинград. Даже в Москву — на всесоюзное совещание — её посылали за отличную работу. Не раз соби-

ралась Света попросить Таню, чтобы та показала ей знаменитую Нину Сергееву. Да всё как-то не до того было...

А вышло вот что.

Глашу кто-то позвал с участка. Вернулась она и говорит:

— Нине Сергеевой новую партию уток привезли. Большую машину. Надо помочь разгрузить. Пойди хоть ты, Таня.

— Со Светой! — заявила Таня.

— Хорошо. Ступайте вдвоём.

Девочки вышли за калитку, пробежали позади утиных загонов и подошли к воротцам дальнего большого выгула.

Невдалеке от входа на участок стоит грузовик с откинутым бортом. На грузовике, плотными рядами, один на другом, ящики из досочек. Досочки не сплошь приколочены, а с промежутками. В верхних ящиках из этих промежутков торчат утиные головы. Будто белые цветки покачиваются над ящиками.

Молодой парень, стоя в кузове грузовика, у одного ящика планки раздвинул и уток оттуда вынимает. А возле машины белокурая девушка стоит, та самая, которую Света не раз видела с козырьком из газетной бумаги. Девушка утку за уткой из рук парня принимает и пускает на землю. Лицо сосредоточенное, считает она вполголоса:

— Пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...

— Я тоже подавать буду! — В один миг Таня вскочила на колесо, вскарабкалась в машину, примостилась сбоку, у ящиков. — Света, я тебе подавать буду. Только ты считай! Возьмёшь утёнка,пустишь — раз! Второго возьмёшь — два! Поняла? Протягивай руки.

С протянутыми вверх руками Света поскорее встала возле машины. А сердце у неё колотится. Совсем недавно она решилась в первый раз взять утёнка за шею, как полагается, а не

просто за бока, в обе руки. И когда схватила утёнка в первый раз за шею, тут же и выпустила. Оказывается, горло утиное очень подвижное, бьётся оно под пальцами, вырывается — и от этого как-то страшно. Ещё оттого так сильно вертится шея утячья между пальцами, что через горло крик утёнка прокачивается, наружу рвётся. Ведь схвати утёнка — он непременно заорёт.

И сейчас слитное тревожное «Ка-а! Ка-а! Ка-а!» прямо оглушило Свету. Пущенные на землю утята бегут сломя голову, переваливаясь с боку на бок; иной и через голову перевернётся от спешки. Глаза перепуганные. Сами тощие, грязноватыми перьями только голова, грудь и бока обросли. А спина, шея, облезлые, немножко в пуху, лиловые какие-то, в пупырышках. Смотреть жалко.

К распахнутым воротам участка катятся утята. Но не только к воротам, а куда попало: под машину, совсем в сторону, к кустам.

— Таня, они разбегутся! — испуганно сказала Света.

— Никуда не денутся. Сгоним. Протягивай руки!

Раскраснелась Таня, светлые косички на затылке так и пляшут: чтобы утёнка подать, ей надо каждый раз сильно нагибаться, иначе Свете и не дотянуться.

Не очень-то быстро у девочек получается. Утята из раскрытого ящика вылезают, толкаются. Который в машину свалится, мечется под ногами у Тани и парня-шофёра.

А у белокурой девушки каждую секунду в руке по две — три утиных головки одновременно зажато. Букет из утиных головок мелькнёт над пальцами — и вот уже все эти утята на земле, девушка уже других схватила.

Пока девочки два ящика разгрузили и Света еле-еле до тридцати сосчитала, девушка полтора ста утят, наверно, приняла. И ещё отрывалась от дела. Несколько раз она говорила шофёру:

— Погоди! — Из кармана синего халатика, надетого на сарафан, вытаскивала блокнот и карандаш, записывала цифры. Один раз к Свете повернулась: — Сколько у тебя? Двадцать пять? Записываю. Считай сначала.

На редкость проворная девушка на Свету как будто и не глядела — где там, когда утки так и летят с машины к ней в руки, — однако почему-то догадалась, что у Светы вся спина вспотела и плечи заболели.

— Ты устала, — говорит. — Не надо больше. Таня, мне подавай! А ты, девочка, сгони на выгул тех, которые разбегались.

Ну, эта работа гораздо легче. С радостью принялась Света сгонять к воротцам утят. Сгоняла и рассматривала их с жалостью.

— Какие они голые! Не то что наши, — верно, Таня?

— На воде ещё не побывали, — отозвалась девушка. — Ведь они только из брудеров. А ваши, на опытном, живут как... цари! — И засмеялась звонко.

Быстро машина опустела, хоть и огромная, десятки ящиков на ней помещаются. Не меньше тысячи уток сгрузили. Таня прыгнула на землю. Шофёр и девушка стали пустые ящики на машину складывать.

— Спасибо, девочки! — сказала девушка. — Хорошо помогли.

— До свидания, Нина! Пойдём, Света.

И Света сказала:

— До свидания!

Девочки пошли обратно на свой участок.

— Эту девушку тоже Ниной зовут, — заметила Света. — Как знаменитую Нину Сергееву.

Таня прыснула со смеху:

— Почему «как»? Да ведь это Нина Сергеева и есть!

Света даже остановилась.

— Не может быть! Эта... девчонка — Нина Сергеева?!

— Ну, конечно. Чему ты удивляешься?

— Но ведь Нина Сергеева — прославленный утковод?

— За дело прославленная! — с гордостью сказала Таня. —

В прошлом году она тридцать тысяч уток вырастила. А за это лето пятьдесят тысяч сдаст государству. Обязательство она взяла, я слышала, вырастить сорок тысяч уток. Но вырастит, наверно, пятьдесят.

— Пятьдесят тысяч уток! — Света и представить себе не могла такое утиное стадо. Весь берег, все озеро, пожалуй, покроет...

Таня, наверно, догадалась, о чём она думает:

— Не сразу же все пятьдесят тысяч. У неё на участке зараз по несколько тысяч уток. Так ведь она чуть не каждый день их отправляет в город. Тех, которые уже набрали вес. И очень часто новых утят принимает. За лето сколько у неё тут переменится уток — тьма-тьмушая.

— Значит, эта самая девушка... с облупившимся носом, наверно, козырёк свой забывает нацеплять... эта самая девушка — депутат Областного Совета?

— Ты всё ещё не веришь? Да, Нина Сергеева — депутат Областного Совета. И награждена орденом «Знак почёта». А грамот у неё — без конца. Не веришь?

— Верю, конечно. Как я могу не верить, раз ты говоришь? Но... никак я не думала, что Нина Сергеева такая... просто в сарафанчике, со сложенной газетой над носом.

— Далась тебе эта газета! — засмеялась Таня.

— Я почему-то думала, что Нина Сергеева пожилая, важная... раз она такая опытная, известная. Сколько же ей лет, этой твоей Нине?

— Да уж не такая она девчонка. Ей двадцать недавно исполнилось. Семилетку она окончила лет пять назад. Теперь в сельскохозяйственном техникуме учится. На третий курс в этом году перейдёт. Заочного факультета. А ты знаешь, какая она всегда весёлая! Танцует, поёт. Первая хохотушка в нашей деревне.

— Подумай! Как странно!

— А чего же тут странного? Смешная ты, Светка. У них другие девушки тоже хорошо работают, но Нина — лучше всех. Она у них главная. — Таня задумалась. — А я знаю, почему Нина так замечательно работает.

— Почему?

— Потому что она комсомолка настоящая. Вот! У нас в Дымове, конечно, ещё комсомольцы есть. Но не все такие, как Нина. Она... хорошая комсомолка, понимаешь? Не знаю,

как сказать... только она очень настоящая комсомолка, Нина, понимаешь?

— Понимаю...

— Ну вот! И она наш маяк!

За разговором девочки и не заметили, как пришли на участок. А там они увидели жуткое зрелище: Сенька кормил утят червями из своего червятника. В руке он держал банку, доверху наполненную — фу! — красно-коричневыми, какими-то ужасно длинными, извивающимися червяками. Сенька ловил утёнка, присаживался на корточки, ставил возле себя на землю банку, доставал оттуда — прямо пальцами! — червяка и подносил к утячьему клюву... И вот уже нет червяка!

Рядом с зажмуренными глазами и с тетрадкой в руке стояла Люба.

— Номер тридцать восьмой съел три штуки. Тридцать восьмой — три! — говорил Сенька. — Записала?

Люба пополюину приоткрывала один глаз и торопливо записывала.

— Вот удобно теперь! — довольным тоном сказал Сенька. — Нумерованные утята, и всегда знаешь, который уже ел, а который ещё ждёт своей порции.

Света глянула на банку, в которой шевелилось красно-коричневое, и глаза у неё сами зажмурились. Так, с зажмуренными глазами, она и отошла подальше, чуть не наступив на Столбика. Земляные черви — отличный биокорм, возразить тут нечего, только смотреть на этот отличный биокорм у неё не хватает выдержки.

МАЯКИ

Наверно, все знают, что такое маяки. А вот все ли знают, кто такие маяки? Света, например, сначала об этом не знала.

По вечерам она ластилась к бабушке. Сидит бабушка за столом, под лампочкой в широком шёлковом абажуре, которым очень гордится Матрёна Ивановна, а Света к ней подсядет, прижмётся к плечу, а то голову под её руку подсунет.

Бабушка сразу расчувствуется, внучку по волосам гладит:
— Что, котёнок, вспомнила про бабу? Целый день где-то бегаешь. А когда совсем уж измоталась, выбилась из сил, тогда и к бабушке тянет?

Ворчала бабушка просто так — по привычке и для уюта. Днём Света, правда, её надолго бросала, но бабушка не очень сердилась: во-первых, была довольна, что Света загорела, выросла и окрепла, а во-вторых, бабушка в Дымове тоже не скучала. Она завела знакомство с какими-то старушками, вечно кто-то у неё в гостях сидел, тянулись бесконечные разговоры. Вдобавок бабушка наладила чуть не каждый день ходить в лес за земляникой и варить из неё варенье. И с Матрёной Ивановной бабушка сдружилась. Также всё о чём-то беседовали, радио вместе слушали.

Как-то вечером, после ужина, Света примостилась к бабушке:

— Что это такое маяки? Почему так называются?

Бабушкины спицы мелькают быстро-быстро.

— Неужели ты не знаешь, Светочка? Маяки — это такие высокие башни. На самой верхушке большой, яркий-преяркий фонарь горит. Свет от него далеко виден. Маяки на берегу моря, на мысах стоят. Корабли плывут и ночью издалека видят огонь маяка и знают: там земля, берег. Маяки кораблям путь освещают, помогают находить нужную дорогу.

— Ну, что ты мне, бабушка, толкуешь? — с досадой сказала Света. — Про такие маяки я знаю. Читала. Сколько раз мне про них в книгах попадалось. А вот почему Нину Сергееву называют маяком? Разве она светится?

— Какую Нину Сергееву?

— Ох, какая ты, бабушка! Да здесь, в совхозе, Нина Сергеева — утковод. Не знаешь, да? Никогда не слыхала?

— Слышала, слышала. А-а... вот ты о чём! Так тут, в совхозе, не одна Нина Сергеева — маяк. А бригадир кукурузоводов здесь есть тоже очень хороший. Также передовик сельского хозяйства.

— Какой бригадир кукурузоводов? Не Витин ли отец?

— Вот уж чей он отец, не знаю. Но знаю, что он награж-

дѣнный. За высокие урожаи кукурузы. Таких передовиков называют теперь маяками. Хорошо названо. Маяки на башнях кораблям путь освещают, а маяки-люди другим людям путь указывают.

— Интересно. И кто же их так назвал, этих передовых людей?

— А это Никита Сергеевич Хрущёв придумал такое меткое слово. В речи на партийном пленуме назвал так людей, которые особенно хорошо работают, впереди идут.

— Только там, где сельское хозяйство, в деревне, маяки бывают?

— Почему только в деревне? И в городе, на заводах и фабриках, есть свои маяки. Я тебе говорю: это передовые в каком-нибудь общем деле люди. По-моему, даже среди пионеров могут быть свои маяки. Самые хорошие, значит, пионеры...

С некоторой даже гордостью Света покосилась на бабушку.

Вот какая у неё бабушка! Ворчит-ворчит, иной раз будто и несознательная совсем, всё норовит что-нибудь не позволить, а сама очень многое понимает и знает.

ЛИВЕНЬ

Из тех семи утят, которые убежали с опытного участка через дырку в изгороди, как ни странно, ещё один нашёлся. Его принесла рабочая совхоза, жившая недалеко от утятника. Утёнок приблудился к её уткам. Когда женщина заметила, что один утёнок у неё лишний и больше ростом — старше, она принесла его пионерам. Возвращённому бродяжке нацепили на лапку кольцо с номером 98. Таким образом, из опытной группы совсем потерялись только два утёнка.

Начисто исчезли — и следов никаких не обнаружилось — два утёнка из контрольной группы, номер 29 и номер 85. Группа эта была расположена дальше от леса, изгородь и сетки

там были целы. Куда девались утята? Неизвестно. О том, что она видела, как на этом участке утята взлетели в воздух, Света так никому и не сказала. И сама уже стала как-то забывать об этом странном случае.

А через несколько дней такое случилось бедствие, что о пропавших утятах все, даже Таня, перестали думать.

Жуткий тот день начался очень хорошо. С утра Таня повела Свету на брудеры. Так называются помещения, где содержатся утята, привезённые из инкубатора. Они там должны подрасти, и тогда уже можно отправлять их в летний лагерь, к воде.

Необыкновенно удачно девочки явились на брудеры. Как раз привезли из инкубатора маленьких утят. Перевозят их в таких же ящиках, что и подросших утят и больших уток.

Женщина-зоотехник отодвинула верхние планки, а в ящике точно жёлтая каша кипит и слабенько попискивает.

Двухдневные-трёхдневные утята в куче очень похожи на жёлтую кашу. А каждый утёнок — это ярко-жёлтый, пушистый катышек с крошечным клювиком, крошечными лапками, с чёрными блестящими глазками-бусинками и таким ребяческим выражением, что Света вскрикнула от восторга.

Держа утёнка в пригоршнях, прижимая его к груди, Таня нежно приговаривала:

— Маленький! Крохотка! Будто игрушечный, верно? Мяконький до чего!

Света смотрела на подругу с завистью. Как смело взяла Таня утёночка в руки! А ведь к такому, и правда, страшно прикоснуться. За шею его не потащишь, у него и шеи-то нет, он весь ростом с мячик от пинг-понга.

Всё-таки, поколебавшись и затаив дыхание, Света тоже взяла осторожно в обе пригоршни жёлтый катышек. Пушистенькое, тёплое закопошилось между её ладонями. Ну что за прелесть!

И подумать только, что через каких-нибудь два месяца такой жёлтенький катышек превратится в большую белую толстую утку. Просто чудеса! Однако это так. Утка за шестьдесят — шестьдесят пять дней увеличивает свой вес в пятьде-

сят раз. Вылупившись из яйца, утёнок весит граммов сорок — пятьдесят, а двухмесячная утка весит два, два с половиной килограмма. Действительно, утка не шутка. Впрочем, эту поговорку Саша выкрикивал как раз наоборот. Вертится на одной ноге и припевает:

— Утка — шутка — прибаутка!

Погода в тот день, как и все дни, стояла прекрасная. С полдня стали появляться на небе облака; солнце то показывалось, то скрывалось. Но люди были этому рады: пёкло всем надоело. И для огородов плохо, когда слишком сухо.

Часов в пять Света сидела у окна в избе и спокойно читала книгу.

С любимой скамеечки в огороде она ушла, потому что поднялся сильный ветер. Он гнал по улице вихри пыли, пригибал деревья чуть не до земли и перелистывал, трепал страницы книги — мешал читать. Тучи спустились низко, потемнело вокруг — хоть электричество зажигай. За окном возник легкий шелест — это падали редкие капли дождя.

«Не промокла бы!» — подумала Света про бабушку, которая отправилась к знакомой старушке.

Вдруг с улицы донеслось:

— Света! Света!

Танин голос. Торопливо кричит, тревожно. Что с ней стряслось? Опрометью скатилась Света с крылечка. Капли дождя забарабанили по её голове и плечам.

Таня подсказывала на дороге. Лицо испуганное.

— Утята! — кричит. — Я туда бегу! А ты — как хочешь!

— За-ачем? — это Света вдогонку крикнула: Танины светлые косички мелькали уже в конце улицы.

Немного Света обиделась: что ж это Таня не ответила и не подождала её? А дождик сильнее.

Вбежала Света в комнату, вязаную кофточку надела, огляделась, — где зонтик? Да разве найдёшь? Бабушка так всё прибирает, что без неё век не отыскать. Света сдёрнула со стола бабушкину скатёрку и на голову накинула вместо шапки. Всё равно эту скатёрку стирать пора, бабушка говорила. Света бросилась догонять Таню.

Бежит по деревне. А дождик утих. И ветер замер. Но видно, он просто дыхание задержал, с силами собирался, чтобы крепче дунуть. На полдороге к утятнику как рванет ветрило, в спину Свету толкнул, еле она на ногах удержалась, и платье взметнулось до середины спины. Треснуло над головой... Гром! А Света его боится, хоть и знает от папы, что гром — это всего лишь звук и убить не может. Убивает человека или корову молния.

Где-то в стороне посверкивает электрическая молния. Опять грохнуло, но уже дальше. И тут как хлынет! Точно ведро воды на бегущую Свету опрокинули. Скатёрка к голове прилипла. Двумя руками Света прихватила её под подбородком, чтобы ветер не унёс.

На лужайке с берёзами навстречу Свете попались две мокрые фигуры. Под ливнем она не сразу узнала Любу с Сашей. Любу платье кругом облепило, Сашка в курточке. Пригнув головы — так и сечёт их дождём, — дружно тащат они вдвоём большую корзину. В такие корзины траву для утят рвут.

Заглянула Света в корзину, и сразу дождь попал ей в рот, — наверно, рот раскрылся. В корзине-то утята лежат навалом! Не сидят, а именно лежат, один на другом, как белые тряпки. Что это? От ужаса Света и спросить ничего не успела — Люба с Сашей исчезли в сплошных струях дождя.

Света кинулась на участок. Что там делается! Страшная картина! Везде утята валяются... Которые брюшком вверх, ножки дёргаются, которые на животе распластались, которые крылышки- расставили... От испуга и жалости Света заплакала.

По участку с корзиной в руках носится Глаша. Утят в корзину подбирает. Заметила Свету и крикнула:

— Помогай!

А как помогать? Тоже утят подбирать? А складывать их куда? Корзины у Светы нет. И Тани нигде не видно! Но разве можно долго раздумывать, когда такое творится?

Живо сорвала Света с головы бабушкину скатёрку, рас-

стелила её на мокрой земле, покрытой лужами, и на скатёрку принялась складывать утиные тельца. Поднимает утёнка, а у него головка болтается на вытянутой шейке. Ужас! Ужас!

— Глаша! — всхлипывает Света. — Они умерли, да?

Вряд ли Глаша услышала её вопрос. Сквозь ветер и дождь кричит:

— В загон неси скорей! Оттуда заберём!

Да что трупики забирать? Их и здесь, на участке, похоронить можно. И вдруг зашевелился утёнок в руках у Светы. Нет, нет, не все они трупики, некоторые двигаются, только ни встать, ни сесть не могут.

У входа в загон что-то больно щёлкнуло Свету по макушке. Как клювом кто-то долбанул. Неужели ястреб набросился в такой сумасшедший ливень?

— Ещё и град! — Люба тяжело дышит, стоя в загоне. Мокрые волосы висят у неё вдоль щёк. Карие глаза как крупные тёмные вишни. И Саша тут же. Со скатёрки утят хватает и — в корзину.

— Куда вы их? — мокрыми губами пролепетала Света.

— В тепло. Чтоб отогрелись!

— Остальные ребята где же?

— На других участках. У нас почти все. Иди ты тоже туда...

Свете холодно, ёжится в мокром платье. А Люба ещё больше озябла: у неё зубы дробь выбивают.

И опять Света одна в загоне: убежали ребята, подхватив корзину.

Вода с неба льётся сплошной стеной. Под такой душ, выскочить из загона страшно.

Будто в реку Света бросилась. Да уже всё равно: давно до нитки вымокла. Хватаясь руками за жерди, перелезла через загородки, через одну, потом через другую...

На участке восьмиклассников незнакомые ребята мечутся. Кто в подоле утят несёт, кто просто в руках — корзин, видно, не хватает. Тут ведь утят много, не то что на опытном участке.

В этой сумятице внезапно раздался крик:

— Смотрите! Смотрите! Что это там?

Какой-то мальчишка остановился на бегу и рукой на озеро показывает. Все — и Света тоже — стали туда смотреть.

Сквозь дождевой заслон смутно виднеются тяжёлые, зыбкие волны. Сизые, мрачные — где гладкая голубизна великанского зеркала? — перекатываются они, плоский берег захлёстывают. Среди белых барашков что-то тёмное плавает, с волны на волну перескакивает. Два тёмных предмета: один большой, квадратный; другой маленький, круглый; и этот маленький предмет то покажется над водой, то исчезнет. Оба тёмных пятна всё меньше становятся: к тому берегу их относит.

Что такое там на озере, Света не понимала, но почему-то

ей стало страшно. Прислушивается к тревожному гомону старших ребят:

— И куда его понесло?

— Этак и утонуть недолго!

— Да кто там?

— Разгляди-ка на таком расстоянии!

Вдруг все закричали радостно:

— Уже поплыли за ним! На помощь поплыли! Дядя Кузьма это!

И верно, откуда-то сбоку вынеслась лодка. Гребец изо всех сил налегал на вёсла, лодка быстро преодолевала расстояние до болтавшихся на волнах тёмных предметов.

Все глаз не спускали с лодки. А под ней волны неожиданно сверкнули голубым огнём. Это упал с неба луч солнца. Одна золотая стрела вонзилась в воду, за ней другая. Они будто умирляли бурные волны. С каждым мигом волны утихли, миривались, не вздымались седыми горбами, разглаживались, наливались голубизной.

И вот уже всё сверкает вокруг: берёзы и ели, каждая лужа, трава, крыши утиных загонов... Урагана, ветра, ливня как и не бывало.

С удивлением заметила Света: ничто больше её не бьёт, не хлещет. Лёгкий пар пошёл от мокрого платья.

И тут кто-то схватил её сзади за локоть, приник к плечу, заговорил торопливо, взволнованно, со слезами в голосе:

— Кто там тонет? Кто? Да что же это такое? А наши-то где все ребята?

Таня цеплялась за Свету, трясаясь от холода и от волнения. Была она не только вся мокрая, но и с ног до головы вымазанная в песке и в глине. Уже потом Света узнала, что во время самого сильного града Таня лазила под обрывами, вызволяя утят на участке Нины Сергеевой. Там совсем людей не хватало — уток-то тысячи, — и Глаша сразу послала туда в помощь проворную Таню.

Но сейчас девочкам было не до расспросов. Тесно обнявшись обе напряжённо вглядывались в озёрную даль.

„КАК ОНО ТАМ, ПОД ВОДОЙ?“

Незадолго до начала урагана на Сеньку навалились ставшие уже привычными невзгоды. Однако на этот раз они были особенно горькими.

Перед осколком разбитого как-то ненароком зеркала мать примаживала на голову косынку. Сидя у окна над раскрытой книжкой, Сенька посматривал на неё исподлобья. Посопсл, решил и буркнул просительно:

— Не ходи, мам, на улицу!

— Ась? — обернулась мать. Бестолковая улыбка раздвинула её губы. Один серый глаз под густой светлой бровью слегка косил, и это придавало её лицу хитроватое выражение. — Чегой-то ты, сыночек, мне сказал?

— На улицу, говорю, не выходи! Не падо!

Брови у матери приподнялись недоуменно:

— Это с чего ж мне не выйтить? А?

— Сама знаешь, с чего, — угрюмо пробормотал Сенька.

— Нет, ты скажи, скажи! — потребовала мать. — До чего уж дожили! Запреты на меня родной сын накладывает. Да ещё и не объясняет почему!

«Ну, чего прикидывается?» — с досадой думал Сенька.

Ему было неловко за мать, которая строит из себя дурачку. Но эта неловкость была пустяком по сравнению с тем жгучим стыдом, который охватывал Сеньку, когда мать его шла по улице, пошатываясь, и каждый встречный отпускал по её адресу какие-нибудь шуточки. А мать отвечала весело, охотно, притворяясь или в самом деле не понимая, что над ней смеются.

— Без объяснения причин запреты не признаю! — Усмехаясь, Серафима направилась к двери.

— Не ходи, мамка, — слышишь? — крикнул Сенька. — Куда на потеху людям? Пьяная ты!

Серафима остановилась.

— Пьяная? Я? — поразились она. — Ах ты, щенок! Да как у тебя язык поворачивается мать обзывать? Если я самую ка-

пельку выпила после работы для утешения своей несчастной жизни, так это — пьяная? — Она шагнула от двери к лавке, плюхнулась на неё и залилась слезами.

«Ну, теперь тебе уйдёт! — с невесёлым удовлетворением подумал Сенька. — Поревёт и спать ляжет».

Стараясь не греметь, чтобы не привлекать к себе лишний раз внимание матери, он пошарил ухватом в печке, вытянул на шесток чугунок с остатками вчерашней каши. Думал: придёт мать с работы — чего-нибудь наварит, а она вон какая явилась... Хлеб и тот чёрствый. Забыла мать купить и ему за-была оставить денег на хлеб.

— Кур кормила? — заглядывая в чугунок, где каши осталось на доннышке, деловито спросил Сенька всхлипывающую мать.

— Кур! Куриц он больше жалеет, чем мать родную!

— Не больше! — сердито отозвался Сенька. — А куры тоже живые.

Мать он жалел. И даже очень. Не маленький, понимает, что жизнь у мамки, и правда, получилась неудачная. Сенькин отец — как видно, высокий и некрасивый, потому что на небольшую, ладно скроенную мать долговязый Сенька совсем не был похож — обманул мать, бросил её. Но было это лет двенадцать назад, давно пора плюнуть на обманщика, забыть о нём, а не растревлять себе душу жалобами. И уж, во всяком случае, не утешаться водкой. Сенька вырастет — капли в рот не возьмёт этой мерзости, из-за которой только люди смеются.

Поев каши, Сенька выскреб в миску ошметки, добавил немного дроблёного овса, перемешал. Потом вышел на двор и скликал десяток кур — всё их с матерью богатство.

Швыряя горстями корм, он строго прикрикивал:

— Не толкайтесь! Всем хватит! Пеструха, отойди, жадина, другим тоже оставь!

Единственное, что делал Сенька по хозяйству, это следил, чтобы не голодали куры. Ему и тошно было, что в избе запущено, грязно — побелить мать всё только собирается, — и не тянуло самому навести хоть какой-то порядок. Трезвая мать

непременно обругает, что всё сделано не так, пьяная вообще не заметит. Так к чему стараться, тратить время?

Сенька рассчитывал, накормив кур, удрать в одно хорошее, только ему известное место, куда он часто спасался от материных жалоб на злодейку-судьбу и от всех неурядиц домашней жизни. И он уже трусил по дороге, вздымая босыми пятками столбики пыли, не обращая внимания на сильный ветер, молнии и начавшийся дождь. Но вдруг хлынул ливень — настоящий потоп, а потом посыпался град.

«Утят! — вместе с полыхнувшей перед глазами молнией сверкнула в Сенькиной голове мысль. — Для них ливень с градом погибель. Жалко утят! И девчонки, Таня особенно, реветь будут, если утят побьёт».

Сенька помчался в утиный лагерь.

Когда он подбежал к озеру со стороны главного «взрослого» участка, тысячи уток бились на воде. Их захлёстывало волнами, они не могли выплыть на берег. Терпели утята бедствие и близко от берега, и почти на середине озера, возле заградительной сетки. И вдруг белые подвижные пятна появились там, куда и не полагалось утятам заплывать. Целой оравой хлынули утята за сетку.

Сенька был медлительным тяжкодумом и не сразу сообразил бы, что произошло, если бы не запричитала рядом с ним утятница Марья Силантьевна, пожилая болезненная женщина:

— Матушки! Сетку порвали! Навалились, сердечные, скопом, или волны подмыли... Напасть-то! В деревню побегу, людей скличу!

Надо утят догнать! На тот, высокий берег им уж ни за что не выбраться! Сенька огляделся. Напротив школьного участка плавают лодка. Восьмиклассники с лодки вылавливают утят из воды. Тут лодки нет. А плот? Вот удача! Небольшой плот болтается на воде у берега, привязанный к колышку. На этом плоту плавают проверять сетку, а то и траву подвозят с того берега.

Подхлёстываемый дождём Сенька отвязал плот, вскочил на него, оттолкнулся длинным шестом.

Плот пошёл ходко. Его закружило на волнах. Он поворачивался, в то же время то вздымаясь, то опускаясь. Но в общем был даже устойчивее узкой лодчонки.

Кругом тонули утята. Доброе Сенькино сердце не могло этого вынести. Хоть и очень торопился к уплывшим за сетку уткам, он то и дело, положив шест, кидался на плот плашмя, двумя руками выхватывал из воды плывущие мимо белые комочки. Уже рядом лежали на плоту жалкие, похудевшие, облепленные мокрым пухом, тельца. Вытащив тех, что близко, Сенька снова орудовал шестом. Его секли холодные струи дождя, а ему было жарко.

Вот и сетка! Ну да, обвисла, прорвалась; волны поверх неё ходят. И плот поверх сетки понесло. Внезапно плот завертелся на месте. Зацепился за что-то?

Сенька встал на край и бросился в воду, нырнул под плот, чтобы отцепить. Но отцеплять не пришлось. От толчка плот и сам соскочил с какой-то зацепы; волны погнали его вперёд. Он быстро удалялся. Сажёнками Сенька поплыл вдогонку.

Но что это как больно руке? И движется плохо, стынет... А с чего вода под рукой покраснела? Да это Сенькина кровь. Верно мать называет его раззявой, медведем неуклюжим. О гвоздь рассадил он руку, а может, концом оборванной толстой проволоки, из которой сделана сетка, разрезал с размаху. И здорово разрезал: от кисти до самого локтя.

Вот-вот сейчас ухватит он ускользящий плот. Да нет, опять не удалось... Острая боль заставила Сеньку вскрикнуть: ногу свела судорога. Он хлебнул воды, выплюнул, опять хлебнул. Погрузился с головой. Ногу, ногу сводит! Перед глазами пошли огненные круги. «Мамка моя бедная — вот слёз-то будет!» И правда, не задалась мамкина жизнь: один дурак обманул, другой дурак... утонул... От жалости к матери Сенька заплакал. И от этого совсем обессилел. Чёрные плотные волны обрушились на него, нахлынули со всех сторон, захлестнули с головой...

Потом снова радужные круги поплыли перед глазами. Он зажмурился, спасаясь от их слепящей яркости, а круги не исчезали, ширились... Его затошнило; он почувствовал, что

изо рта у него льётся вода. Разодранная рука сильно болела. Сама, помимо Сенькиной воли, она то задиралась куда-то ему за голову, то опускалась, вдавливалась Сеньке в живот. Другая рука вела себя так же странно, но хоть не болела.

— Ру-уку больно! — выплёвывая воду, простонал Сенька.

А это ещё что такое? Над ним влажно мерцают большие, как блюдечки, светлые глаза. Они до самых краёв наполнены испугом и жалостью. Над глазами свешивается русая чёлка. Никогда это Света Чернова, приехавшая из Ленинграда?

Издалёка откуда-то доносится её тоненький, вздрагивающий голос:

— Тебя выловил дядя Кузьма! Ты совсем утонул, Сенья, — знаешь? А потом тебе делали искусственное дыхание...

А Глашин голос твердил:

— Сеньчка! Сеньчка! Да как же это ты? — На своей голове Сенька чувствовал руку, которая торопливо гладила его волосы: И опять: — Сеньчка! Сеньчка! — будто Глаша не была уверена, что это именно он валяется перед ней на земле.

«Дык, конечно, это я», — хотел сказать Сенька, но не мог произнести ни слова.

Глухой голос дяди Кузьмы спросил с ласковой усмешкой:

— Ну, как оно там, под водой?

И на этот вопрос Сенька ответить не мог. Но вдруг ему стало хорошо-хорошо. Он уже ясно видел окружающее. Всё сверкало, яркое, свежее. Тёплое небо, деревья, каждая травинка точно радовались, что не покинул Сенька-Дыдык эту землю.

ЛЮБИНА НОГА

Придя в себя окончательно, Сенька отчаянно застеснялся.

Вокруг него столпилась куча народу, все его рассматривают, говорят о нём и даже... ласкают. Глаша по голове погладила — это ещё куда ни шло. Но вот Света, прикусив губу, с испуганным видом, тоже протянула руку и робко притронулась пальцами к Сенькиному виску.

От неловкости Сенька зажмурился и открыл глаза, лишь услышав Танин возглас:

— Она тоже тонула? Батюшки!

— Зачем тонула? Уф-ф! — пропыхтел Саша. — Нога у неё то ли сломалась, то ли что...

Внимание от Сеньки было отвлечено, и он сразу взбодрился. Хоть с трудом, а приподнялся на локтях, вытянул шею.

С прилипшими ко лбу кудрями и капельками пота на лице стоял Саша. А на плечо у него была взвалена Люба. Ноги её висели почти до Сашкиных колен, голова, руки болтались у Саши за спиной.

Глаша суежилась вокруг них:

— Надо бы в медпункт! Сходите кто-нибудь за подводой. Куда её положить? Земля мокрая...

Но Сашу последнее обстоятельство не смутило. Изловчившись, он сбросил Любу на землю, чуть не в самую лужу.

— Уродина! — вскрикнула Люба, села и схватилась за щиколотку. — Как мешок, меня! И прямо на больную ногу! — Она застонала, вся сморщившись, закусив губу.

— И то еле допёр! — Саша вздёрнул плечи и отвернулся от Любы. — Весу в Любке оказалось с тонну. Почему Сенька лежит? Тоже ногу свихнул?

— Что ты — ногу! — воскликнула Таня. — Он совсем было утонул. Посреди озера утят спасал! Храбрый какой, подумай! Дядя Кузьма самого его спас!

Люба перестала стонать, прислушиваясь. Поглядела на Сашу, присевшего на корточки возле Сеньки, и опять прикусила губу, на этот раз — пряча улыбку. Дразнится Сашка без конца, ругается, в драку лезет, сейчас «тонной» её назвал... А как испугался, когда она оступилась, поскользнувшись, упала и не могла подняться! Просила она Сашку: «Оставь меня! Позови девочек!» А он: «Ну, как это я тебя в грязи и без ноги брошу?» — и взвалил её себе на спину: — Держись крепче... Любочка!» Вот оно как!

Обоих пострадавших — Сеньку и Любу — погрузили на подводу, и дядя Кузьма повёз их в село, в медпункт. Глаша поехала с ними.

Таня дёрнула Свету за рукав, шепнула:

— Плачет, бедная! — И показала подбородком в сторону навеса.

Под навесом, над грудой белых утиных трупиков, стояла и плакала Нина Сергеева. Она вытирала нос шёлковым шарфиком, слёрнутым с головы. Нарядное летнее платье, светлые чулки и босоножки были у неё залеплены грязью.

— Понимаешь, — шёпотом объяснила Таня, — она в рай-центр поехала по делам. До середины пути доехала — гроза началась. Она тут же слезла с автобуса. Да разве обратного автобуса сразу дождёшься? Пока добралась в утятник, всё кончилось. Час какой-нибудь, даже меньше, и бушевал ураган, а чего натворил! Смотри, Анна Степановна бежит!

И правда, на участке появилась учительница биологии. Она поспешно подошла к Нине, обняла её за плечи.

— Утешает, — сказала Света. — Она её знает?

— А как она может её не знать, если Нина окончила нашу школу? Тогда ещё семилетка, а не восьмилетка была. Училась же Нина у Анны Степановны.

Да, Нина училась у Анны Степановны. И сейчас старой учительнице казалось, что перед ней не прославленный утковод, а семиклассница Нина Сергеева, хохотушка и ленивица. Троечки, а то и двоечки часто забирались в её дневник. Исключительно из-за Нининой беспечности. А когда, начав работать, Нина увлеклась утководством и дело пошло у неё хорошо, сколько пришлось Анне Степановне её уговаривать, чтобы училась дальше, поборолла свою лень к ученью. А вот теперь не только на работе, а и в техникуме Нина отличница.

— Зачем, зачем именно сегодня я уехала? — всхлипывая, твердила Нина. — Могла бы и в другой день! Я бы сумела живо всех утят собрать в загоны, не погибло бы столько!

— Ну, перестань! Слезами горю не поможешь. Ураган налетел так внезапно, что никто его не мог ожидать.

А Света лишний раз подивилась про себя, что Нина Сергеева — депутат. Поглядишь — так просто ревушая девчонка, и больше ничего.

ЧТО СУШИЛОСЬ В ПЕЧКЕ

В Таниной избе Таня, Света и Нюра-шестиклассница сидели на лавке возле русской печки, у самого жерла. Заслонки были прикрыты, но неплотно, и девочки с тревогой на них поглядывали.

Нюра потянулась к заслонкам:

— Посмотрю, как они.

Таня удержала её за руку.

— Подожди! Пусть прогреются.

— А не душно им там? — спросила Света.

— Боишься, что спекутся? — усмехнулась Нюра.

Таня покосилась на неё с упрёком:

— Если б у вас в саду яблоки посбивало, яблони поломались, было бы тебе смешно?

— А у нас и так две яблоньки поломало ураганом: Ветки попадали вместе с яблочками. Незрелыми ещё, зелёными. Жалко, конечно. Но мы не тужим.

— Таня, не душно им там? — обеспокоенно повторила Света.

— Нет, нет, не беспокойся! Там не душно и не жарко. Вытопили немного. Под только тёплый, — не горячий. И мы ведь недалеко их засунули. Близенько на тряпку положили.

— Кря-кря! — Диночка будто подтвердила Танины слова.

Белая уточка весело расхаживала под ногами у девочек. Временами подходила к плошке и зарывалась носом в кашу.

— Чем огорчаться, так она веселится! — вздохнула Таня. — Ну, никакого сочувствия к своим... родственникам, можно сказать. Живёшь ты, Динка, как помещица. Тунедка!

— Яйца не несёт? — деловито спросила Нюра.

— Нести яйца она ещё слишком молодая.

Света засмеялась: к Диночке слово «молодая» отчего-то совсем не подходило.

Какой-то слабый звук донёсся из печки, не то кряк, не то

писк. Девочки замерли. Таня, тихонько вскрикнув, осторожно открыла заслонку и заглянула в печь.

— Только не кричать! — зашептала она взволнованно.

Посторонилась с торжествующим видом. И Света с Нюрой, теснясь, придвинулись к отверстию. Двумя руками Света зажала себе рот, чтобы не завопить от радости.

Один утёнок сидел на тряпке и разевал клюв. Другой, лёжа на боку, приподнимал голову. Ещё четверо шевелились. Шесть утят сушились в Таниной печке, и все они постепенно оживали. А ведь, когда укладывали их на под, у всех висели шеи, головы болтались как тряпочки.

— «Десятка» совсем на ноги встала! — Таня сияла. — «Шестьдесят шестой» подымается. Сейчас буду их поить помножку. Вот «Девятнадцатый» плохой... — Она достала из печи одного утёнка, положила его себе на колени, закутала подолом, нагнулась и подышала ему на голову. Утёнок оставался неподвижным. Однако чёрные глазки у него мерцали довольно шустро.

— Словно подмигивает, — сказала Нюра. — Значит, многих утят спасли?

— Да с нашего участка все ожили! — ответила Таня. — Эти вот последние, самые неживые были... А так все отошли. Ребята их в духовки посовали, на лежанки. Как только не отогревали!

— Жалеете вы своих утят, — похвалила Нюра. — Ты, говорят, за этими утками прямо в платье ныряла в озеро.

— А всё равно кругом вода была, — что сверху, что снизу, что с боков, — так какая разница? — беспечно отозвалась Таня. — Вот Сенька тот действительно герой! Не всякий поплыл бы на тот берег в бурю. А вообще какой ужас был! Утята суматошатся на озере, кричат. И тут же на глазах тонут... Кошмар!

— Всё-таки это удивительно — утята, а так легко тонут! — заметила Света.

— Ничего удивительного в этом нет. Перьев у них ещё не так много, а пух намокает. Промокшие утята быстро осты-

вают, замерзают. От этого в них и жизнь останавливается. Кроме того, вода заливается им в щёлки на клювиках, в ноздри. Ноздри закрываются, и утятки не могут дышать. Вы обе знаете, отчего большие утки и гуси так хорошо держатся на воде?

— Отчего? — спросила Нюра.

— У них есть такие особые железы, которые выделяют жир. Этот жир смазывает перья, они не намокают. Вот гуси, как вылезут из воды, отряхиваются, а вода с них стекает, соскальзывает с перьев. Замечали, наверно?

— Особенно я не присматривалась, — призналась Нюра.

— А у невзрослых утят железы ещё не развиты, перья не смазаны; вот утята и тонут в один миг.

Света с гордостью посмотрела на Таню. Вон сколько знает! Нюра, хоть и старше, а слушает её с большим вниманием.

— Да, девочки, знаете, — быстро, как всегда, говорила Таня. — Мама-то Любина вот сердилась на утят за то, что ночью весь пол запачкали! И Любу бранила, зачем Люба маленького братишку очень строжила, даже нашлапала его. А Люба говорит: «А как его не строжить, если он всё время к утятам лезет, хочет их в руки взять? Утята чуть живы, а он лезет и лезет». А нога у Любы уже лучше. Вывиха нет, только растяжение сильное.

— Во многих избах брали утят отогревать? — спросила Нюра.

— Во многих — у-у! — весело ответила Таня. — А у Сашки какой случай вышел! Утята ночью отогревались в духовке, пошли там бродить, и Сорок восьмой номер свалился в кринку с молоком. От воды спасса, так чуть в молоке не утонул. Сашин брат его «молочным утопленником» назвал.

Девочки рассмеялись.

— Конечно, не все в избе отогревались, — сказала Таня. — Многие в сараях, которые близко к утятнику. А больше всего просто в загонах. Отогрелись, просохли и ожили!

БЕЛЫЕ ПЕРЬЯ

После урагана прошло несколько дней. Таня и Света возвращались домой с утятника. Вдруг Таня озабоченно посмотрела на Свету:

— А что же мы с тобой забыли про нашу тайну?

— Про какую тайну? — с подчёркнутым удивлением спросила Света.

Таня погрозила ей пальцем:

— Не прикидывайся, Светка! Ведь сразу догадалась, про какую...

— Ну, зачем нам туда идти? — вздохнула Света. — Там, наверно, ливнем всё залило, воды по колено.

— Нет, нет, мы непременно пойдём! Сегодня же! Я фонарь возьму. Налью в «летучую мышь» побольше керосину.

— Почему побольше? Разве там длинное подземелье? Идти долго?

— Не длинное подземелье, а на всякий случай. Мало ли что... Вдруг задержимся, — пусть нам светло будет. А воды туда много затечь не могло. Там кустами закрыто.

Но воды в старом блиндаже хватало. Под ногами у девочек хлюпало. Осторожно продвигались они в полумраке.

На этот раз спустились в «пещеру» без особого труда. Таня впереди, с прижатой к животу «летучей мышью», Света за ней.

Таня зажгла фонарь. Стоят девочки и озираются. Над ними покатая низкая крыша из брёвен. Брёвна кое-где мохом поросли.

— Вот как обвалятся нам на голову! — прошептала Света.

— Трусишка! — укорила её Таня. — Подпорки-то целы. Видишь, какие толстые?

Столбы, что кровлю подпирают, кажется, и в самом деле прочные. Света успокоилась. И вдруг вздрогнула: Таня фонарь повыше подняла да как вскрикнет:

— Ой, что это? — показывает пальцем: — Гляди!

В углу блиндажа, на земле белые птичьи перья валяются.

Таня скорее фонарь на скамью поставила — деревянная скамейка стояла возле дощатого стола.

— Света, ужас какой! Кто-то уток здесь ощипывал. Утиные перья. Сырые от дождя. Коротенькие... Не уток перья — утят!

— Не наших ли? — тихонько вымолвила Света.

Почему-то и Таня понизила голос:

— Конечно, с утятника! Не понесут же сюда из деревни уток щипать. Четыре утёнка у нас не нашлись. Два, которые через дырку — и два из контрольной группы... — Нагнулась Таня, перья рассматривает и чуть не плачет. — Знаешь, это лисицы их сюда заволокли, утятчек!

— Думаешь, всех четырёх, — которые пропали?

— Мало пёрышек для четырёх, — грустно сказала Таня. — Похоже, что одного тут лиса погубила. Только почему остатков никаких нет? Хоть бы лапочка недоеденная валялась...

— Голодная была, наверно, лисица. Все подчистила.

От волнения Света в первую минуту, кроме белых перьев на земле и нагнувшейся над ними Тани, ничего не видела. А теперь стала присматриваться, не мелькнёт ли где лисий хвост? Набрела взглядом на стол и видит: какая-то на нём куча лежит. Фонарь ниже стола стоит, на скамейке, и не разглядеть, что там. Света шагнула к столу. Что-то там лопухами прикрыто. Осторожно сдёрнула она лопухи, — сердце при этом дрогнуло, а ну, как там кто-то живой притаился? — и прямо опешила:

— Та-аня! Тут не лиса живёт! Разве лисицы книги читают? Про космос. Спутник на обложке!

В один миг Таня возле неё очутилась, фонарь на покосившийся стол взгромоздила.

— Правда, книга!

— Смотри, и огарочек прилеплен! — показала Света на торчащий из стола коротенький остаток свечки. — Его зажигали, чтобы читать. Ой, Таня, всё-таки тут какие-то разбойники живут. Зачем они прячутся?

Таня взяла в руки книгу.

— «К другим планетам», — прочла она название. — Значит, разбойники межпланетными полётами интересуются? И ничего удивительного! Полёты в космос всех-всех интересуют... — Она стала листать книгу. На стол выпал лист бумаги. — Это что?

Приглушённым голосом девочки прочли одновременно:
— «Минны! Очень опасно! Замедлиного действия!»

Света охнула. Таня книгу выронила. Шлёпнулась книга на стол, а девочки прямо обмерли — всем известно, что мины от сотрясения взрываются, — на бумагу, как на ядовитую змею, уставились.

Потом Таня прошептала:

— Опять мины с двумя «н»... С ошибками разбойники пишут!

Не спуская с бумаги испуганных глаз, Света пробормотала:

— И «замедлиного» неверно написано. По-моему, там после «л» должно быть «е», а «н» два... Но хоть и с ошибками, а всё-таки где-нибудь тут есть мины! Уйдём отсюда, Танечка! Ведь замедленного действия! Убежим, пока не взорвались! Ну, пожалуйста!

— Закладка в книге... — Упрямая, бесстрашная Таня снова взялась за книгу, вытянула лоскуток, засунутый между страницами, стала его разглядывать. — Клетчатый. Красные были клетки. И коричневые. Поиняли сильно. Что-то какая знакомая тряпочка?

— Ну, потому что у Сеньки такая рубашка есть! — выпалила Света. — Уйдёшь ты, нако... Ой! Постой, Таня! — От внезапной догадки она даже про взрыв забыла.

— Что? Что ты ещё увидела?

— Ой, Танечка, милая! Не лиса съела утят! Нет, нет, не лиса! Их Дыдык съел!

Сбивчиво, кое-как Света обо всём Тане рассказала. Как сидела она в сумерках на пригорке, и подумалось ей, что вот были бы утята зайчиками, а два утёнка и в самом деле скакнули через загородку. И как она подумала на Сеньку, потому что он там возле ходил, но даже верить такому не хотела.

А потом Сенька стал «следы замечать»... И, как видно, Сенька утят не на базар отнёс, а сюда притащил...

Ужасно bestолково Света рассказывала. Но Таня всё поняла.

— Садись на лавку! — сказала она решительно. — И никаких мин не бойся! У Сеньки нет мин — где он их возьмёт? Это он нарочно, верно милиционер говорил! Чтобы испугались и ничего не трогали. Если кто наткнётся на книгу и что ещё у него, у Сеньки, тут есть... — Таня опустилась на скамейку. — Света, Света, как ты могла молчать? Почему сразу мне обо всём не рассказала?

Света тоже присела.

— А о чём бы я рассказала? Я сама ни в чём не уверена. Мне показалось, что утят тащут, но так плохо было видно: неизвестно, — правда ли это? Когда утят не хватило, номера 29 и номера 85, я уже не сомневалась: стянул кто-то утят. Но что это именно Сенька, — как я могла сказать? А потом я про всё это и забыла. Ливень всё у меня из головы вытряс...

Таня сидела растерянная и грустная.

— Теперь я всё понимаю, — проговорила она задумчиво. — Сенька здесь устроил себе такое...

— Убежище, — подсказала Света.

— Ну да. Жильё своё собственное устроил... Книга это Сенькина. Он взял её в школьной библиотеке. Я теперь вспоминаю, что он перед каникулами даже на арифметике её один раз читал. И получил двойку, потому что его как раз вызвали. Как это Сенька не сдал книгу в библиотеку, когда велели сдать до каникул?.. — Таня оглянулась со вздохом. — Неужели Сенька так сырьём и съел утят? Печки никакой здесь нет. И следов костра не видно. Да тут костёр если зажечь, от дыма задохнешься.

— Таня, а как же тут военные варили, в блиндаже? Ведь и на войне обедать надо.

— Они здесь навряд ли варили. В военных частях есть полевые кухни, откуда обед развозят по траншеям, по окопам. Наверно, и по блиндажам. А может, тут и стояла когда-то печка, маленькая, железная. И труба куда-нибудь высовыва-

лась наружу, чтобы дым вытягивало. Ведь это когда было. Печку после войны жители отсюда сто раз могли забрать... Это просто ужасно, если Дыдык уворовал утят! Никогда бы не поверила, что он на такую подлость способен! Яблоки из чужого сада он ещё стащит, из частного — в совхозный сад у нас теперь ребята не лезят... А уж утят... Он утят спасал!

— Мне тоже не верится! Но... перья-то откуда?

— Вот то-то и дело, что перья... Утята тут находились. «Против факта не попрёшь», — как папа мой говорит... Знаешь что, Света, теперь уж всё это надо выяснить. Пусть Сенька признается! Я заставлю его признаться! Ведь он же пионер!

Так долго девочки просидели в заброшенном блиндаже, что совсем продрогли. Были бы мины, хоть и замедленного действия, непременно успели бы взорваться. Вылезли девочки из блиндажа и, расстроенные, разошлись по домам.

А наутро в утятнике случилось новое происшествие.

Перед работой Глаша всех собрала на лужайке под берёзами. Лицо у Глаши нахмуренное и недоумевающее.

— Ребята, что за опыт особенный ставит ваше звено? Почему я о нём не знаю? В чём дело? Признавайтесь немедленно!

Все очень удивились. Загалдели разом:

— Какой опыт?

— Глаша, о чём ты говоришь?

— Ты все наши опыты знаешь, Глашенька! Лучше, чем мы!

— Дело в том, — сказала Глаша, — что Сергей Иванович прислал коротенькое письмо. Благодарит всех ребят за письмо и спрашивает, что это за такой опыт особенный задумало ставить младшее звено, о котором говорить нельзя до времени? В чём этот опыт заключается? «Хоть по секрету, — пишет, — сообщите!»

Ребята с недоумением переглядывались.

— О каком же это опыте он спрашивает? — У Вити лицо удивлённое-удивлённое: брови приподняты, глаза расширены.

Взглянув на него, Света подумала мельком, что, если кто на сцене изображает удивление, тоже так делает, как Витя, всем своим видом показывает: я удивляюсь.

Пожав плечами, Витя отошёл в сторонку, за Глашину спину.

— Боюсь, что вы в своём письме такого нагородили, — сетовала Глаша, — что Сергей Иванович вас не понял. Напустили какого-то туману. Я сама виновата, доверилась дурачкам, не прочла ваше письмо перед отправкой. Понадеялась...

Чем могли ребята утешить свою звеньевую, если сами ничего не понимали? Смущённые, чувствуя себя виноватыми неизвестно в чём, они отправились на участок.

ТЁТЯ ПОЛЯ ДЕЛАЕТ ОТКРЫТИЕ

Давно известно: как начнёт что-нибудь случаться, так подряд и случается. То живёт-живёт человек, и ничего особенного ни с ним самим, ни вокруг него не происходит. А то одно событие за другим наваливается.

Ещё Таня и с Сенькой поговорить не успела, только по-сматривала на него задумчиво. А Света и не собиралась говорить с Сенькой и вообще старалась на него не смотреть. Поэтому она очень удивилась, когда Сенька спросил её:

— Ты что, Света, это самое... на меня как-то странно смотришь?

— Я смотрю? Выдумал! Наоборот, не смотрю... — От смущения Света стукнула себя по ноге лопатой, просыпала зелёную подкормку. Пришлось нагнуться и подбирать.

Словом, девочки ещё с Сенькой не разобрались. А тут новая история. Да какая!

Шли вчетвером к речке — Таня, Света, прихрамывающая Люба и Саша, — хотели искупаться. Навстречу им попалась тётя Поля. При виде ребят птичница остановилась.

— Здравствуйте, тётя Поля! — вразнойой поздоровались девочки и Саша.

Не ответив на приветствие, тётя Поля заявила ехидным тоном:

— Вас-то мне и надо, голубчики! Это у вас утки с колечками на ногах разгуливают?

— У нас, — ответил хор голосов.

— Потому что наш участок опытный, — объяснила Люба.

— Так чего ж вы свою меченую птицу во всякие непотребные места запикиваете?

Все растерялись.

— В какие непотребные места?

Сашку смех разобрал. От смеха он пополам согнулся.

Тётя Поля головой покачала.

— Ну, чего ты ржёшь, непутёвый? Непотребные места, значит, самые что ни на есть неподходящие. Небось, сам спроворил уток запихнуть, вот и скалишь зубы!

Отдуваясь, тётя Поля опустилась на лавочку у чьих-то ворот. Ребята её окружили:

— Как это «уток запихнуть»? Тётя Поля, да объясните же!

— А вот слушайте, какая со мной оказия случилась! Иду это я нынче на речку купаться. Вон и сейчас ещё волосы мокрые под косынкой. Поскольку толщины своей я стесняюсь, так уж я в самых кусточках, подале, плескаюсь. Такой у меня обычай, что я после работы в каких-нибудь дальних кусточках возьму, да и окунусь для прохладения.

— Ну, окунулись вы, и что? — От нетерпения Саша припсывал на месте.

— А ты не лезь поперёк батки в пекло. Торопыга! Вот, значит, прохладжаюсь я в студёных струях нашей речки...

— Ей бы школьные изложения писать, — на ухо Тане шепнула Света. — Пятёрку бы получила за «студёные струи».

— И вдруг слышу, кто-то возле меня кричит. Ну, совсем рядышком. Оглянулась — нигде ничего не заметно. Опять кричит. «Кря-кря» этак. Из воды подо мной звук идёт. Уж не водяной ли, думаю, уткой прикинулся и надо мной шутки строит?..

— Водяных не бывает! — сказала Таня.

— Да уж ты-то, известно, не отстала, — язвительно усмехнулась тётя Поля. — В домовых, водяных, леших, ясное дело, не веришь. А я, если хотите знать, тоже в них не шибко верю. Это я к слову. Струхнула маленько: что там такое? Уток не видать, да и неспособно им под водой обитать. Лезу это я на бережок, в самые кусты, ветки раздвигаю. А «кряк-кряк» мне в самый нос шибанул. Смотрю, и правда, уточки! Это, значит, их жалобные крики под воду опустились, да и отдались мне в уши. Две уточки. А на лапках у них кольца. Я эти кольца потом углядела.

— Так прямо и сидят в кустах? — ахнула Таня.

— Нет, не прямо. А очень даже криво. Засунуты уточки в ящик. Ящик на боку лежит, ветками весь укрытый, сразу и не заметишь. Уточки в ящике этом, как в темнице тесной, находятся. С открытой стороны на ящике планки прибиты. Плошечки внутри ящика поставлены. Только обе пустые. Томятся несчастные уточки голодные и непоенные. Зерна у меня с собой, конечное дело, не было, а водички я им зачерпнула.

— Кто же их туда поставил в ящике? — спросила Люба.

Таня со Светой переглянулись. Неужели опять Сенька? В тот момент они не сообразили, что, если утки съедены в блиндаже, то крякать на речке в кустах они уже не будут.

— Вы этих утят взяли, тётя Поля? — спросил Саша. — Где они?

Тётя Поля окинула Сашу презрительным взглядом:

— Ты что это себе думаешь? Не я уток в ящик сажала — не мне их и брать. Там и сидят.

— Где это? Где это? Покажите, тётя Поля! — принялись упрашивать девочки.

— Ну, так и быть! Ждите тогда. Волосы-то мне надо прибрать.

Полчаса — не меньше — пришлось ребятам проторчать на тёти Полином крылечке.

— Если не соврала, никому тётя Поля, кроме нас, об этих утках ещё не говорила! — Сашка нетерпеливо бил босой пяткой о ступеньку.

— И кто их мог в ящике в кустарник запрятать? дини-

лась Люба. — Раз с кольцами, — значит, непременно наши. Других окольцованных уток во всём совхозе нет.

Наконец, совсем измученных ожиданием, тётя Поля повела ребят на речку.

Вблизи лозняковых зарослей Саша пригнулся, с таинственным видом прижал палец к губам, дескать: «Молчите! Тихо!»

Тётя Поля на него воззрилась:

— Постановку нам хочешь инсценировать, что ли? Так мне сейчас недосуг. В другой раз посмотрю с удовольствием.

Сашка выпрямился.

— Не постановку. А давайте осторожно, втихаря, чтобы никто не увидел.

— А чего же не видать? — ухмыльнулась толстуха. — Чудак ты, право слово! Я видела, сейчас и вы увидите. Какое тут скрыванье?

— Но ведь кто-то их там прячет! — горячо сказала Таня. — Нам надо узнать!

Тётя Поля подумала.

— Вот что я вам скажу, ребячья братия! Там больно узко в самой гуще, а я платье чистое передела. Поэтому полезайте-ка вы сами. А я вам укажу, куда лезть. Вон-вон, прямо в этом самом месте и полезайте. Тем паче, если вы тишком хотите. А мне, при моей комплекции, потихоньку не просунуться.

Тётя Поля уселась на траву и принялась лузгать семечки. Наверно, много у неё осталось от прошлого года: подсолнухи-то ещё не созрели.

Сашка, конечно, всех опередил. Девочки продирались за ним, загораживая рукой лица, чтобы не исхлестали ветки.

Вдруг прозвенел Сашкин пронзительный окрик:

— Стой!

И ещё кто-то сдавленно крикнул:

— Не троны!

Тут уж девочки не «тишком», а, как медведи, напролом ринулись.

Они увидели грудку веток с засохшими листьями, из-под которой доносилось кряканье, и на земле, над самой речкой, сцепившихся мальчишек. Подмяв под себя, Саша кого-то тузил, приговаривая:

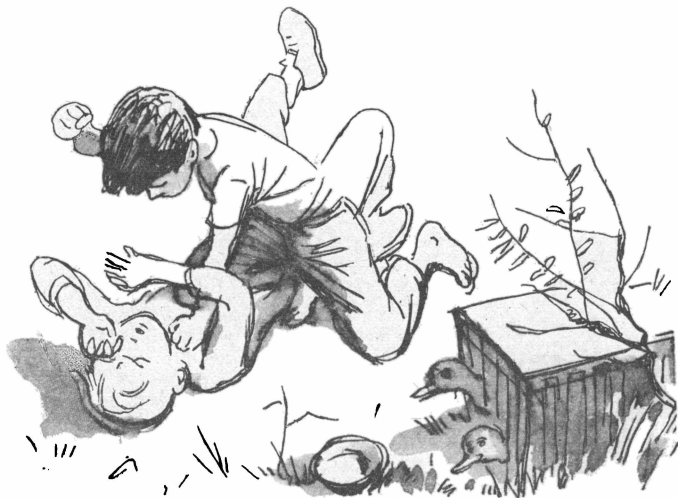
— Не уйдёшь! Не сбежишь!

Таня закричала:

— Сашка, перестань драться! Сашка!

Саша отпустил своего противника, вскочил на ноги. А с земли поднялся растерзанный, с разорванным висящим рукавом, весь в слезах... Витя.

— Ты-то как сюда попал? — спросила его Люба и прикрикнула на Сашу: — Зачем ты, дурак, Витю поколотил?

— Ох, уж ты умная! — возмутился Саша. — Да он убежать хотел! Я подбираюсь, вижу: кто-то возится у ящика. Витьку узнал, удивился. А он услышал — идут — и сразу метнулся, крадётся прочь. Смыться хотел!

У Тани стало грозное лицо:

— Витя! Что всё это значит?

Витя молча обеими руками растирал по щекам слёзы. Солидности в нём не осталось и следа.

— Это твои утки? — спросила Таня. — Витя!

Люба, сидя на корточках, копалась в ящике.

— Да какие же это его, когда это наши! — сказала она сердито. — Что ты говоришь, Таня? Номер 29 и номер 85. Это те утята, которые из контрольной группы пропали.

«Значит, не Дыдык с участка стащил! — подумала Света. — Но какие же утята были у него в блиндаже?»

Все стояли и смотрели на Витю. Он всхлипывал, как маленький.

— Почему здесь наши утки? — Таня даже ногой топнула. — Отвечай сейчас же!

Затрещало в кустах. Это тётя Поля не утерпела и, услышав крики, не пожалела выглаженное платье, продралась сквозь чашу. И вытаращила глаза:

— Это кто же такого вежливого мальчика этак изорвал? Не иначе ты, непутёвый! — Она легонько дёрнула Сашу за вихор.

— Эх, тётя Поля, тётя Поля! — сказал Саша сокрушённо. — Тут такие дела, а вы...

— Идиот паршивый! — захлёбываясь слезами, завопил Витя. — Всю рубашку изорвал!

— Рубашка! Подумаешь!

— Ру-убашка! — за Сашей подхватила презрительно Люба.

Таня стояла бледная, губы у неё дрожали. «Вежливый» мальчик шаг за шагом отступал к речке. Внезапно он круто повернулся и бросился бежать. Через минуту только веточки кустов качались возле того места, где он только что стоял.

— Удрал! — вырвалось у Светы.

Ребята забрали ящик с утками и, шумно поблагодарив тётю Полю за то, что она помогла им раскрыть злодеяние, потащили ящик на свой участок.

НА ПИОНЕРСКОМ СБОРЕ

Будь ребята повнимательнее, могли бы и догадаться: Витя что-то от них скрывает. Ведь заметили же они: работать он стал с прохладцей. Он и прежде особенно не усердствовал с лопатой или ведром в руках. Но, хоть и не слишком себя утруждал, Витя работой в утятнике очень интересовался. А в последнее время охладел.

Скажет Глаша:

— Не пора ли вам отправиться восвояси? — Она младшее звено раньше домой отпускала, одна дорабатывала смену.

Витя сразу согласится:

— Конечно, наше время уже истекло.

Он и на работу теперь иной раз немножко опаздывал. А то без дела стоит, утят разглядывает. Очень внимательно.

Случалось, Таня на него наскакивала:

— Ты что, в кино находишься или на работе? Что ты стоишь, как памятник?

— Подумаешь, указница нашлась! — пренебрежительно отзывался Витя. — Важная птица — помощница звеньевой! Люди поважнее делами занимаются, да молчат.

Как-то Саша его спросил:

— Ты на что это намекаешь, Спиноза? На какие такие важные дела?

Витя слегка поклонился:

— Благодарю за комплимент.

— Вот кривляка! Я его обругал, а он благодарит.

— Обругал? — спокойно сказал Витя. — Нет, ты меня похвалил. Спинозой назвал.

— А это что — Спиноза? — поинтересовалась Люба. — На занозу очень похоже.

— Не что, а кто. — Вид у Вити был прямо величественный. — Спиноза был философом.

— Да ну? — изумился Саша. — А ты не врешь? Честное слово, я думал, что это ругательство. Наш конюх на коня Мотора кричит, когда тот артачится: «Ну, ты, Спиноза! Побалуй у меня!» А ты, Витька, начитанный...

Витя, и правда, читал очень много. Он был круглым отличником, аккуратным, прилежным мальчиком. И вежливым в обращении со старшими, — тётя Поля это правильно заметила. Подчас других ребят раздражали и злили его высокомерие, снисходительность по отношению к тому же Саше и к Сеньке. Но достоинства Вити все признавали. Его намёкам на «важные дела» никто не придавал значения: Витя часто чванился

неизвестно чем. А между тем был в этих намёках, оказывается, большой смысл.

Всё до конца поняли ребята только на пионерском сборе.

На лужайку, под берёзы, пришли пионеры всех опытных звеньев и несколько мальчиков и девочек из восьмого класса, хотя их не приглашали, сами явились из любопытства.

Плотный, немолодой человек, в пиджаке и высоких сапогах, крупными шагами расхаживал по краю лужайки.

— Кто это? — спросила Света у сидевшей на траве Любы.

— Витин отец! — значительным тоном ответила Люба. — Тоже переживает.

Бригадир совхозных кукурузоводов показался Свете довольно сердитым. Интересно, строг он с Витей или не очень? Боится его Витя?

Витин отец подсел к тётё Поле. Толстая птичница с важным видом восседала на скамейке.

Когда, в сборчатом платье и нарядном платочке, тётя Поля приплыла на лужайку, Саша подскочил к ней:

— Тётя Поля, вы разве пионерка?

— Не пионерка, а свидетельница, — с достоинством ответила тётя Поля. — И мне ваша звеньевая Глаша позволила присутствовать. А она над вами начальница, комсомолка!

Все члены младшего звена знали, что Глаша у них не только звеньевая, а как бы и пионервожатая. Ответ тётя Поли Сашу вполне удовлетворил. Саша перебегал с места на место, на всех глазел, — особенно на Витю.

Витя держался в стороне и даже к отцу своему не приближался. Глаза у него были опущены, лицо в красных пятнах.

Сенька тоже жался под кустами, какой-то смущённый и неуверенный. Рубашка на нём была всё та же, старая, с помятыми клетками. Света, как взглянет на эти порыжелые, вытертые клетки, так и вспомнит про лоскуток в книге о межпланетных путешествиях.

Вокруг Сеньки сгустилась полная неясность. Таня один раз попробовала добиться от него признания. Но разговор у них получился совсем бесплодный.

— Как бы ты, Сеня, назвал человека, который украл бы утёнка, а может, и двух? — спросила его Таня.

— Дык вором бы назвал. Если б и пол-утёнка стащил, — всё равно вор. — Отвечая, Сенька не покраснел, не смутился ни капельки.

— Но, может быть, он не стащил его просто так и не вытащил из загона или с выгула, а... нашёл где-нибудь заблудившегося. Но не вернул хозяевам, а... съел. Тогда как?

Вид у Сеньки стал глубокомысленный.

— А он знал, тот человек, чей это утёнок, откуда заблудился?

— Да не трудно бы ему догадаться...

— Если знал и не вернул, себе взял, — значит, тоже вор. Неужто ты, Таня, не понимаешь? Вот я, к примеру, нашёл твою... ну, ленточку из косы. Я вижу, что это твоя лента, но не отдал её, а... ну, что ли, котёнку своему повязал. Значит, я ленту у тебя украл.

— А если... если этот человек сильно голодный и ему утятинки захотелось? Или кто-то его уговорил, заставил утёнка забрать?

— Голодный, так хлеб жри! — сердито ответил Сенька. — Уж кусок хлеба всегда найдётся. А чужих уток лопать одни ворюги станут!

Таня смутилась и не нашлась, как ещё Сеньку выпросить.

— Знаешь, Света, — сказала она, передавая подруге этот разговор. — Одно из двух: или Сенька утёнка не съел, или он такой закоренелый врун, что даже страшно!

Девочки секретничали вечером накануне сбора. А в день сбора Света ещё не видела Таню. Наконец Таня прибежала.

— Ты что так долго не шла? — спросила её Света.

— Дедушку одного проводила в контору совхоза. Славный дедушка! Путешественник.

— Где ты его раздобыла?

— На дороге повстречала. Идёт старик; я ему говорю: «Здравствуйте, дедушка!» А он остановился, хмыкнул: «Дедушка? Я тебе кажусь очень старым?» — «Не такие вы чтоб

уж очень старые, — говорю. — Но ведь вы с бородой». А у него борода, знаешь. Не такая большая, как у Льва Толстого на портрете, но тоже длинная. Этот дедушка и говорит: «Логично. Но не совсем. С бородами не одни старики бывают». — «А вы, — говорю, — ещё и с палочкой». — «Ну, дорожный посох, — говорит дедушка, — в путешествии никогда не помешает. А не проводишь ли ты меня, девочка, в контору совхоза?» По дороге он стал про ребят расспрашивать, как у нас в совхозе ребята поживают. А я говорю: «Хорошо поживают, но не совсем. Потому, что неприятности получились». А он...

— Начинаем! — раздался голос Глаши.

— Потом доскажу, — торопливо шепнула Таня.

— Ребята, — сказала Глаша. — Мы собрались для того, чтобы обсудить поведение одного из наших пионеров. На опытном участке из контрольной группы пропали два утёнка. Эти утята были обнаружены запрятанными в зарослях на речке, в очень глухом месте. Запрятал их там пионер Витя Щелканов. Пусть он объяснит пионерам свой поступок!

Пока Глаша рассказывала, как узнали, что это те самые утята и есть, младшее звено сидело тихо, так как всё ему было известно. А ребята из других звеньев и восьмиклассники, для которых всё было неожиданностью, перешёпывались с удивлением и возмущением.

Под конец Глашиной речи Саша не выдержал и крикнул с места:

— Вор он после этого, вот кто!

Сидевший на траве с опущенной головой Витя вскочил на ноги:

— Как ты смеешь! Я не украл утят!

Глаша сказала:

— Спокойно, Витя! А как, по-твоему, назвать человека, который тайком взял с участка государственных утят?

— Но я не украл их, не украл! Я взял их на время. Для дела! Я бы их отдал!

Ребята зашумели:

— Для какого дела?

— Взял-то без спросу! И ещё сам кричит!

— Сташил! Конечно, сташил!

— Спёр просто!

Внезапно подала голос и тётя Поля:

— Я свидетельница, что утята были в ящик засунуты. Ну-мерованные утки! А избил Витю вот этот, — показала она на Сашу.

— И ещё поколочу за такое дело! — крикнул Саша.

Восьмиклассники засмеялись.

— Тише, ребята! — сказала Глаша. — Витя, ты говорил, что взял утят для дела. Для какого дела?

Некоторое время Витя молчал. Все ждали.

— Я же опыт делал! — пробормотал он, тяжело дыша. — Индиву...

— Индивидуальный, — подсказала Глаша.

Свете сразу вспомнились рассуждения бабушки про «индивидуальный отдых», который она устроит своей внучке в деревне. «А что это значит. — индивидуальный? Тогда отдых, теперь — опыт». И нечаянно Света спросила вслух:

— А как это ин-ди-ви-дуальный? — И очень смутилась, потому что все на неё посмотрели.

— Индивидуальный — это значит отдельный от других, свой собственный, — объяснила Глаша. — Так что за опыт ты делал? Отвечай, Витя!

Помявшись, Витя заговорил:

— Я кормил утят всякой-всякой едой. Кашей. И супу им носил. Даже мясо мелко-мелко крошил. Траву, как у нас, резал, но немного. А зато витаминов много давал...

— Витаминов? Где же ты брал витамины?

— Да просто... вот которые естественные. Земляники сколько скормил! И клубнику. Детям для витаминов дают ведь ягоды. Это полезно.

— Надо же — клубнику уткам скармливал! — сожалеюще вздохнула тётя Поля. — У матери, поди, на огороде таскал! Витя исподлобья покосился на неё и продолжал:

— Огурчики свежие резал на мелкие кусочки. Малосольные не брал, уткам соль — вредно, я знаю...

Все притихли и слушали Витю с любопытством. Он заметно прибодрился.

— И утята у меня прибавили хорошо! Я не взвешивал на весах, но знаю, что они сильно потяжелели. Они сейчас тяжелее наших опытных. Хоть взвесьте!

— Ещё хвастается! — с досадой прошептала Люба.

— А что тут орал Сашка и другие, будто я утят мучил, без еды и питья держал, так это враки! Я их на воду выпускал каждый вечер и кормил их часто-часто. По пять раз на дню к ним бегал!

«Так вот почему он в последнее время так торопился пораньше убежать! — подумала Света. — И ведь во время ливня его не было видно. Наверно, спрятанных утят побежал спасать».

— Можно вопрос? — У Витиного отца голос басовитый.

Глаша кивнула головой.

— Для чего ты всё это делал, Витя? — хмуря брови, спросил бригадир Щелканов.

Витя тоже нахмурился, глянул искоса. Отец с сыном были очень похожи в эту минуту.

— Я хотел доказать, что утят можно кормить, как... ну, свиней, например. Чем угодно...

— Собственно, опыт не так уж и нов! — произнёс чей-то голос.

Все обернулись. За кустами стоял, опершись на трость с набалдашником, бородатый пожилой человек в соломенной шляпе и в летнем полотняном костюме.

— Дедушка! — удивилась Таня.

— Извините, пожалуйста, что я вмешался. — Бородатый человек приблизился к вопросительно смотревшей на него Глаше, поклонился и, что-то говоря вполголоса, пожал ей руку.

— Неужели? — Глаша вся порозовела. — Как приятно! Я вас сейчас представлю!

— Потом, потом, — замахал старик рукой. — Продолжайте, пожалуйста! Извините, что прервал... Вы мне разрешите присутствовать?

— Да, да, конечно! Ребята, подвиньтесь, уступите место!

— Нет, нет, я не сяду, лучше тут постою, послушаю... — Старик отошёл в сторону.

Всё это заняло несколько секунд. Глаша перестала обращать внимание на старика.

— Опыт откорма утят пищеотходами, — сказала она, — действительно не новый. Если бы ты, Витя, спросил, я бы тебе объяснила. Это делают в пригородах, в больших сёлах, где недалеко фабрика-кухня, столовые. В массовом порядке берут оттуда пищеотходы. Но не в этом дело. Как ты мог, Витя, взять утят без спросу?

— Но ведь я бы их потом отдал назад!

— Ты не имел права без спросу! — крикнула Таня.

— Конечно, не имел права! — раздался голоса.

— Но я же не насовсем, я бы отдал! — твердил Витя.

— Если тебе уж очень хотелось поставить такой опыт, — подумав, сказала Глаша, — ты бы сказал мне. Я бы обратилась к директору совхоза, к зоотехнику; мы бы посоветовались, как сделать. И, может быть, нескольких утят стали бы откармливать отдельно...

— Я хотел сам! — в голосе у Вити звучали упрямство и вызов. Он опять густо покраснел.

— Разрешите мне спросить, — бородатый человек подошёл и встал рядом с Глашей.

— Молодой человек, — обратился он к Вите, — не хотелось ли вам поставить опыт индивидуально, чтобы он принадлежал лично вам? Признайтесь!

Витя смотрел на бородача непонимающе:

— Лично мой опыт и есть! Конечно! Я ж и говорю, что сам хотел!

— И вам хотелось самолично пожать лавры, так сказать, если опыт удастся? — с лёгкой усмешкой спросил бородач. — Не так ли?

Сложно старик говорил, и многие ребята не сразу разобрались, к чему он клонит. Но тут раскатился над лужайкой бас Витино отца:

— Чтобы тебя одного хвалили, хотел! Эх, Виктор!

— Правильно дедушка догадался! — звонким голосом, одобрительно сказала Таня.

Глаша быстро повернулась в её сторону:

— Таня! Таня! Ты что? Как тебе не стыдно? Какой «дедушка»? — Она была очень смущена. — Извините, Сергей Иванович! Вот видите, не познакомила вас сразу... Ребята! — сказала она громко. — Перед вами профессор Сергей Иванович Шукарёв, научный руководитель наших опытов. Сергей Иванович приехал в совхоз прочесть лекцию по сельскому хозяйству. И вот нас посетил.

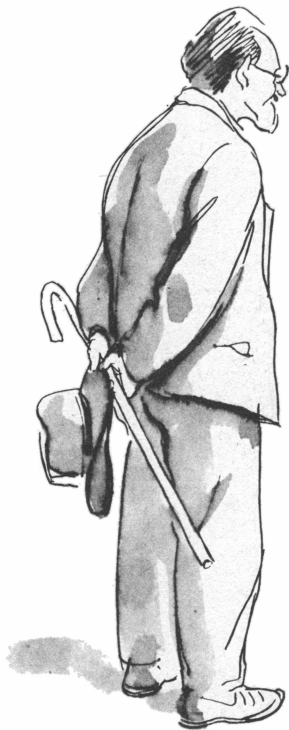
Удивлённые и обрадованные ребята повскакали с мест:

— Здравствуйте, Сергей Иванович!

Таня подошла к профессору:

— Деду... Ой, ну, что это? Сергей Иванович, простите меня, пожалуйста. Я ведь не знала... А про какой опыт особенный вы спрашивали в последнем письме? Объясните, пожалуйста!

— А вот не знаю, внученька! Тебя и других ребят

хотел спросить. В конце письма было написано: «А ещё у нас задуман один особенный опыт. Пока писать о нём рано, но потом вы о нём узнаете». Вот так!

— Мы такого не писали, — сказала Таня.

— Постойте! — закричал Саша. — Письмо переписывал начисто Витя...

— Да-да! — подтвердила Люба.

— Витя, Витя! — воскликнула Глаша. — Так ты к тому нашему письму самовольно приписал? Про этот свой опыт, что ли? Час от часу не легче!

Ребята обрушились на Витю с упрёками:

— Ещё и приписку сделал — подумайте!

— Это же подло!

— К общему письму приписал тайком! Фу, как противно!

— Хоть бы приписал, да подписался. Мол, это я, а не кто другой... а так что же? Чистое безобразие!

Витя остолбенел, когда Глаша сказала, что бородатый человек — это профессор Сергей Иванович. Теперь он стоял совершенно потерянный. Водил по сторонам глазами, как загнанный волчонок. Свете даже жаль его стало немножко. Когда напали на него ребята за приписку, он низко опустил голову и неудержимо разревелся.

Глаша взяла Витю за плечи и усадила на скамейку рядом с тётей Полей, которая, пока все шумели, хлопала глазами. Лицо её выражало сильное любопытство.

Все опять расселись на траве, и Глаша всем желающим давала по очереди слово.

Один за другим выступали пионеры. Говорили о том, что Витя вёл себя недостойно. Он взял без спросу государственное имущество, утят, хоть и «на время», а всё равно их стащил. И он хотел только сам выдвинуться, для этого и делал свой опыт от всех тайком. Ребята беспокоились, искали утят, а он молчал. В конце концов Вите вынесли строгий выговор.

Отец взял его за руку и повёл домой. Витя спотыкался: он так опух от слёз, что и землю под ногами не видел.

Сергея Ивановича восьмиклассники повели на свой участок. Юных опытников он обещал навестить завтра.

КЛУБОК РАСПУТЫВАЕТСЯ...

Когда все стали расходиться, Таня вцепилась в Глашин локоть:

— Наше звено, подождите!

Щёки у Тани стали цвета варёной свёклы, выражение лица такое, будто она собралась кинуться в пропасть.

— Сеня! — сказала она отчаянно звенящим голосом. — А теперь ты во всём признавайся! Мы знаем, Сеня, что ты... приютился в заброшенном блиндаже!

Света пристально смотрела на растерявшегося Сеньку. Он начал медленно краснеть.

— Да, да, мы знаем! — быстро продолжала Таня. — Не вздумай отрекаться! Там твоя книжка, которую ты читал и почему-то не сдал на каникулы в библиотеку. И книжка заложена клочком от твоей рубашки!

Побагровевший Сенька поставил на землю ведро с перегноем, которое он уже подхватил, чтобы отнести в червятник.

— Дык и что же? Читал! Но откуда ты?

— Это сейчас неважно, откуда мы знаем... Сеня, скажи, почему... — Таня перевела дух и выпалила: — Почему там валяются утиные перья?

— Утиные перья? — Сенька переступил с ноги на ногу, пнул ведро.

— Ты же слышишь, что я говорю! Утиные перья там разбросаны в углу. Ты ощипал какого-то утёнка, Сеня! Ты его... съел?

У Глаши от изумления широко раскрылись глаза. Саша с Любой стояли с одинаково разинутыми ртами.

Сенька рванул с места, почему-то покачнулся, схватился за ствол берёзки, чтобы не упасть.

Внезапный хохот разнёсся по лужайке. Несмотря на волнение, все тряслись от смеха: одна нога Сеньки завязла в ведре. Когда он успел влезть ногой в ведро, никто не заметил. Но ведро его не пускало. Видно, перегной там засох и крепко

держал Сенькину ногу. Подтягивая ведро за собой, Сенька шагнул к Тане с угрожающим видом:

— С ума ты, что ли, сбрендила? То-то ты приставала ко мне с вопросами, как назвать того, кто чужого утёнка слопал! Ух, если б я догадался, какая тебе дурь взбрела, я б тебя тогда же — за косы! Не так, как Сашка Любу дёргает, а покрепче!

— Без угроз, пожалуйста! — строго остановила его Глаша. — Это ещё что за новости!

— Дык, а что она?

— Дыдык, а перья там откуда? — плачущим голосом закричала Таня. — Перья утиные откуда?

— Ну, перья... — Сенька вздохнул. — Не заметил я, значит, как они насыпались.

В углу темно... И как тебя туда занесло? — Он задумчиво качнул лохматой головой, брякнул приставшим к ноге ведром и посмотрел Тане в самые глаза. — Тебя я, дурочку, жалел! Чтобы ты, значит, лишний раз не ревела. А видно, надо было тебе под самый под твой нос этого утёнка принести. Нашёл я его задавленного возле кустов, вот где вход в мою... каюту, значит. Лисица утёнка задавила, я лисий помёт видел, и бросила — спугнул ее кто-то. Я дохлого утёночка закопал в уголке...

— Похоронил, выходит, — заметила Люба.

— Покажешь каюту? жадно спросил Саша.

— Я посторонних не допускаю! — буркнул Сенька. — У меня же подводная лодка!

— С мин-нами! — радостно сказала Таня. — Ох, Дыдык, Дыдык! — И добавила виновато: — Ты хоть из ведра-то вылез!

Все рассмеялись.

Сенька с силой дёрнул ногу, чуть не свалился, но всё-таки ведро откатилось в сторону.

— Иди к озеру и отмойся! — со вздохом приказала Глаша. — Я с вами с ума сойду, честное слово! И зачем я согласилась быть вашей звеньевой? Работала бы со всеми девочками на том участке, как человек!

Следом за Сенькой Света побежала к озеру. У самой воды догнала его, тронула за рукав.

— Сенья, прости меня!

— Чего ещё? — сердито обернулся Сенька. — За что простить-то?

— За то, что я подумала про тебя худое...

Сенька хмуро глянул на Свету через плечо, подумал, ничего не сказал и прямо в штанах полез в воду. Он тёр обеими руками и споласкивал низ своей штанины. Порыжелые клетки его рубашки на солнце казались яркими. Света смотрела на них, и ей было очень стыдно.

Так распутался клубок подозрений, мучивших двух подружек.

В БЕДЕ НЕ БРОСАЮТ

— Ты отличник, на целую голову выше их всех. Они завидуют твоему уму, твоим способностям, потому и вынесли тебе выговор, — говорила Витина мать, вышивая гладью дорожку.

Витя молчал. Он сидел на сундуке под окном, поджав под себя одну ногу, и смотрел в окно. Солнце стояло ещё высоко, но лучи его уже падали косо, дневной жар спадал. Волны тёплого воздуха колебали отдёргнутую занавеску.

— Кончишь с медалью, поступишь в институт, станешь известным учёным, — вливался в уши мальчика утешающий говорок матери. — А они что? Так и будут копаться в навозе. Подумаешь — выговор! Отцу, конечно, обидно: он партийный, к тому же — награждённый, на виду у всего совхоза. А тут сын родной перед пионерами проштрафился. А вообще-то выговор, проработка эта выеденного яйца не стоят. Поедешь сейчас к дяде; он тебя устроит в отличный пионерский лагерь — на третью смену ещё успеешь. К учёню вернёшься — всё уж позабудется. Будешь пятерочки получать; кто посмеет тебя виноватить?

«Да, — думал Витя. — Уехать! И не возвращаться совсем!» Он попросит дядю отдать его в тамошнюю школу. Ребята ещё пожалеют, что так на него напустились. Учителя их упрекнут: «Выжили лучшего ученика!» Но отец, отец! Лучше бы он побил его, отстегал бы ремнём...

Рассуждения матери о том, что он, Витя, умнее и развитее всех ребят и что его ждёт большое будущее, рассуждения, много раз слышанные и всегда приятные, на этот раз как-то скользили мимо Витиных ушей, не доставляя ему никакого удовольствия.

Он сердился на мать. В сущности, она во всём виновата. Он ведь просил её: «Купи мне двух — трёх утят, чтобы были мои собственные. И чтобы никто не знал!» Зачем ему нужны утята, он не сказал, а мать не поинтересовалась. «От уток столько грязи! — сказала она. — Ты и так утятником пропах. Мог бы и на пионерском утятнике поменьше работать, так, для виду, лишь бы не сказали, что ты отлыниваешь». И не купила утят. Но он уже приписал в письме профессору про особенный опыт. Он давно такое задумал; он считал, что сделает «открытие» и прославится. Утята были нужны непременно. И раз мать ему не купила, он взял их на участке... Он и слушать сейчас не хотел, что она там говорит. Вот только насчёт отъезда к дяде... Уехать бы! Но отец...

Во дворе загремел цепью и заворчал большой рыжий с белым пёс Пират. И сразу же донесся тонкий испуганный крик: — Ви-итя-а!

Кто зовёт его? Витя высунулся в окно. По ту сторону калитки стояла Света Чернова и со страхом смотрела на глухо рычавшего Пирата.

Нехотя Витя, угрюмый, насупленный, вышел во двор, приоткрыл калитку:

— Чего тебе?

— Тебя ждут вон там, в орешнике...

— Кто ждёт?

— Ступай и увидишь!

— Да кто? Зачем?

— По делу... Боишься? — Презрительная усмешка скривила губы девочки. — Никогда прежде не думала, что ты трус.

— Я трус?! Я боюсь?!

Витя решительно зашагал к зарослям орешника. Пусть там ждут его десять драчунов почище Сашки Дёмина, пусть они кинутся на него и начнут его бить. Он и не пикнет! Сдачи даст, но пощады не попросит и даже не вскрикнет, хотя бы ему весь нос разбили в кровь. В глубине души Витя не очень-то надеялся на такую удачу, что кто-то поджидает его для драки. А подрасться, главное, показать свою храбрость, ему сейчас очень хотелось.

Вот и кусты орешника. «Неужели и правда?» Чьи-то руки, высунувшись из кустов, стремительно вцепились в его плечо, втащили в самую гущу.

Витя круто обернулся. Какое разочарование! Вместо десяти драчунов перед ним, вцепившись в его рукав, стояла одна девчонка. Даже Света, тащившаяся за ним до самых кустов, куда-то скрылась.

— Ты почему это ни вчера, ни сегодня не пришёл на уютятник? — строго спросила Таня.

— А тебе что за дело? — грубо ответил Витя и дёрнул локтем:

— Отпусти!

— Не отпущу! Садись! — Таня с силой потянула Витю вниз, и он невольно опустился на траву. Сама села рядом. — Ну, отвечай! Почему не пришёл на участок?

— Чего ты ко мне привязалась? Я в утятник никогда больше не приду!

— Хорошо придумал — нечего сказать! Как же ты смеешь на работу не выходить? Всё звено подводишь!

— Будто без меня не справитесь. На утках, что меня нет, не отразится.

— Зато на тебе самом отразится!

— А мне уже всё равно... Как я могу туда пойти? Когда я весь опозоренный!

— Сам виноват! Не корчил бы из себя индиви... как Глаша говорила? Индиви-дуа-листа, вспомнила! Так ничего бы и не было. Тебе за дело выговор дали. А теперь исправляйся! А как тебе исправиться, если ты на работу не приходишь? Ну, подумай сам! Ведь сбежишь из звена, тебе ещё хуже будет.

— Хуже некуда. Ещё и при профессоре это всё... Срам такой — хоть на свете не живи!

— Что значит «хоть на свете не живи»? — спокойно сказала Таня. — Ведь жить-то придётся. Не вешаться же тебе.

Витя испуганно на неё покосился.

— Ты, Витя, не идиот, поэтому не повесишься. Ты, наоборот, умный. Мы все считали тебя очень умным, Витя; ты такой начитанный. Я и теперь тебя дураком не считаю, хоть и вёл ты себя погано и глупо. И нечего надуваться, как индюк! Я правду говорю. Выходи завтра на работу, — слышишь? Работай хорошенько! Не инди... ну, это самое. И осенью выговор с тебя снимут.

— Да разве только выговор меня уничтожает? — вдруг плаксиво заговорил Витя. — Ничего ты не понимаешь! Такое со мной случилось... — Он шмыгнул носом.

Таня насторожилась:

— Что же с тобой ещё случилось?

Витя помолчал. Потом сказал:

— Я вообще убегу отсюда! К дяде уеду. Он в Серпухове живёт. Мамин брат.

— Дезертиром будешь, если уедешь! — отрезала Таня. — А случилось-то с тобой что? Кроме выговора...

— И как тебе с таким... опозоренным, как я, разговаривать не тошно?

— Не кривляйся, Витька! И не заговаривай зубы! Если б меня тошнило, я бы плевалась, а я же не плююсь.

-- Дура! — выпалил Витя.

Притаившаяся в сторонке за кустами Света подумала:

«Сейчас Таня обидится и тоже его как-нибудь обругает».

Но Таня вдруг заявила спокойно:

— Можешь ещё!

— Что ещё? — с недоумением спросил Витя.

— Можешь ещё меня обругать, если от этого тебе легче.

Витя скривился:

— А-а, понимаю... Ты меня настолько презираешь, что тебе даже всё равно, если я тебя обругал. Мол, от последнего человека слышу, так не всё ли равно?

-- Вот не думала, что ты такой кривляка! Даже удивляюсь... Ну, рассказывай! Что ещё с тобой случилось?

Витя помолчал, повздыхал и начал:

— Мой папа был на войне. В боях побывал. Во всяких военных переделках. И в разведке тоже. Он орден и медали имеет.

— Да, я знаю, — вставила Таня. — Твой отец и за работу в совхозе награждён.

— И вот папа мне сказал... — Внезапно Витя громко всхлипнул и замолчал.

— Что сказал? — тихонько и сочувственно спросила Таня. — Витя, не плачь! Ну, что такого страшного мог сказать тебе отец?

— Да-а, не страшное! — сквозь слёзы выкрикнул Витя. — Тебе-то что! Тебе-то хорошо! А он сказал... он сказал, что с таким человеком, как я... обманым... и который вот... от коллектива тайком действует, он бы... во время войны... отказался идти в разведку!

— Ой! — вскрикнула Таня.

И Света в кустах еле удержалась от вскрика.

— Вот видишь! Испугалась! — с каким-то даже злорад-

ством сказал Витя. — А ещё болтаешь! не страшное сказал! — Он уткнулся головой в колени и горько заплакал.

— Да-а, это страшное! — протянула Таня. — Я ведь не знала, что он такое сказал, твой отец. Но, знаешь что, Витя? Ты не реви, ты послушай! Ведь ты не всегда будешь обманным! Зачем тебе быть обманным? Ты только один раз так вот... худые поступки развёл. Ты ещё станешь таким честным и... стойким! Да, именно стойким! Что всякий боец согласится с тобой пойти в разведку! Понял?

Таня уговаривала Витьку, как маленького, что он ещё будет отличным, храбрым, мужественным человеком, который горой стоит за товарищей. Она даже ласково погладила его по голове.

И Витя утих, только носом сопел и утирался рукавами рубашки.

— Завтра ты придёшь на участок! — твёрдо сказала Таня. — Даже из головы выбрось, чтоб не приходиться! Слышишь?

— Сашка задразнит! — хрипло пробормотал Витя.

— Не позволим ему дразниться!

— Послушается он вас! Как же!

— Сильно дразниться не дадим. А немножко понасмешничает — он ведь всегда насмешки строит — не умрёшь! Сейчас ты ступай! А завтра зайдёшь за мной ровно в полдесятого утра. Непременно! Я буду ждать.

Когда Витя побрёл по дороге к своему дому, Таня тихонько окликнула:

— Света, ты где?

Света вылезла из своего укрытия.

— Слышала? Кривляка какой! — промолвила Таня. — Но плохо ему пришлось. Жалко его!

Света обняла Таню.

— Как ты с ним говорила!

— Уж как бы ни говорила... Может, я и глупостей наговорила, не знаю. Но так бросить его нельзя же! Он нам плохое сделал. Но теперь у него беда куда хуже, чем у нас

была. Разве в беде человека бросают? Вот завтра придёт, увидим, как с ним дальше будет...

— Ты думаешь, он зайдёт за тобой завтра?

— Должен зайти! Ну, как же?

ОНИ СТАНУТ ДРУЖИТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ

И всё-таки Витя не пришёл. Минут пятнадцать — двадцать подружки прождали его возле Таниного дома понапрасну.

— Опоздаем на работу из-за этого бессовестного! — негодовала Таня, вглядываясь в конец проулка, откуда должен был появиться Витя, и подскакивая от нетерпения. — Ну, пошли!

Но пустилась она бежать не в сторону озера, а в противоположную — к Витиному дому.

Опять Света жалобными криками, под рык Пирата, вызывала Витю.

— Ведь я почему сама не иду, тебя посылаю, — объяснила Таня. — Я на Витину мать боюсь наткнуться. Как начнёт она Витеньку своего расхваливать, какой он у неё чудный мальчик! А я вдруг не удержусь и стану с ней спорить, ещё нагроблю нечаянно... И уж наверняка задержимся. А тебя она не знает и не будет с тобой разговоры разводить.

Когда Витя вышел на крыльцо, Света крикнула:

— Поди сюда на минуточку! Я тебе что-то скажу!

— Ты одна? — недоверчиво спросил Витя.

— Надо, очень надо мне тебя на минуточку! — твердила Света, будто не слыша вопроса.

Из любопытства Витя вышел за калитку. И был немедленно схвачен с двух сторон за обе руки — за одну руку Светой, за другую Таней, которая пряталась за плетнём и выскочила, едва Витя появился.

— Как вы смеее? Это безобразие! Не имеете права! — возмущался Витя, когда девочки дружно тащили его по улице.

Но возмущался он потихоньку и сопротивлялся, упирался не сильно, чтобы не очень уж заметно было встречным людям, что его, мальчика, волокут против воли девчонки.

Одна встречная женщина даже похвалила его:

— Ишь, молодец, двоих девчат за собой ведёт!

Света фыркнула. А Таня весело поддержала шутку:

— Ещё бы не молодец! Он у нас молодец — хоть куда!

— А-а, пришёл. Вот и хорошо. — Такими спокойными словами Глаша встретила Витю и сейчас же поручила ему какую-то работу, которую он должен был выполнить вместе с Таней.

Так, хоть и притащенный насильно, Витя опять стал работать вместе со всеми.

Конечно, Саша не удержался от насмешек, несмотря на то, что девочки запрещали ему дразнить Витю. Сперва Сашка называл Витю «индивиду́лом», а потом ещё сократил это слово. Проходя мимо Вити, он распевал:

— Дул-Дул! Дул-Дул! Ты губы не надул? — Переделал поговорку: «Федул — губы надул».

Витю перекашивало от обиды, когда он слышал эту песенку. Он прекрасно понимал, что «Дул-Дул» означает всё то же самое; «индивидуалист»!

Сенька предлагал «от имени всего звена» поколотить Сашу, чтобы не дразнился. Но запротестовала Люба.

— Я тоже звено! — заявила она. — И не даю согласия, чтобы Сашку лупили.

Сама она могла ругать и «воспитывать» Сашу сколько угодно, но другим не давала его в обиду.

Наконец с Сашей серьёзно поговорила Глаша. После этого, приближаясь к Вите, Саша складывал губы так, точно вот-вот вылетит у него изо рта «Дул-Дул», но вылетало задумчиво сказанное в пространство:

— Пищеотход!

И это было уже не так обидно, потому что слишком глупо.

А потом произошёл случай, после которого Саша и совсем перестал дразнить Витю.

Однажды, кончив работу, ребята уходили со своего участка. Вдруг Сенька привстал на цыпочки, вытянул шею, секунду вглядывался и со всех ног помчался к червятнику.

Все услышали его сердитый возглас:

— Да как ты посмел?

Подбежавшие ребята увидели, что Саша наклонился над червятником, а Сенька лупит его по спине, не давая выпрямиться.

— Что случилось? Сеня, прекрати немедленно! — вмешалась Глаша.

Сенька отпустил Сашу, и тот, наконец, выпрямился, красный, смущенный. В руке он держал поллитровую банку, наполненную земляными червями.

Эту банку Сенька у него вырвал, опрокинул её над червятником.

— Лень ему, видишь ли, червей для рыбалки накопать! У-у-у, чтоб тебя!

— Самую малость я зачерпнул, — стал оправдываться Саша. — Я бы завтра накопал, отдал бы...

Вид у всегда бойкого, а сейчас набычавшегося, сконфуженного Саши был комичный. Вдобавок один червяк прицепился к его кудрявому чубу и висел над лбом, а он этого не замечал.

— Фу, какой стыд — червей красть! — сказала Таня, а сама захихикала.

— Да снимите кто-нибудь у него червяка с волос! — взмолилась Света. — Видеть не могу!

Глаша подошла и щелчком стряхнула червя с Сашиной головы. Ноздри её дрожали от скрытого смеха:

— До чего нелепая кража! Не стыдно тебе, Сашка?

— Если на сборе об этом рассказать, все будут смеяться, — добавила Таня.

Люба, раскрасневшись, точно она тоже стащила червей, разразилась упреками:

— Лодырь несчастный! Не мог сам накопать! Срамотища! Проси у Сеньки и у всех извинения, — слышишь? Живо проси!

— Я больше не буду! — покорно пробормотал Саша.

Глаша быстро, с некоторым удивлением взглянула на Любу: «Подумайте, слушается свою шефшу!»

Целую неделю Сенька и девочки попрекали Сашу земляными червями, которых он пытался стащить. От одного только Вити Саша не услышал ни осуждений, ни насмешек. Это поразило Сашу. Ведь он-то как Витю изводил! Самый сейчас момент Вите отыграться, отомстить. Случись такое не с ним самим, а с кем-нибудь другим, Саша ни за что бы не удержался и хоть «червём ползучим» дразнил бы провинившегося. А Витя — ни слова. От удивления и признательности Саша и сам перестал дразнить Витю.

Впрочем, дразнить его теперь не так уж и хотелось. Витя заметно изменился: не хвастался, не задавался, не командовал так противно. Но и не отдалялся от ребят, наоборот, как-то старался держаться поближе, чем прежде...

Вскоре после происшествия с Сашей Свете сильно попало от бабушки. Девочки заблудились в лесу, проплутали часа три, пока вышли к деревне. Уже смеркалось, когда усталая Света добрела до избы Матрёны Ивановны.

На крыльце стояла бабушка, до предела встревоженная и до того «накалённая», что, казалось, об неё можно зажечь спичку.

— Долго я, матушка, терпела твоё утиное увлечение! — заявила она непреклонным тоном. — Очень долго! А теперь всё! Крышка. Ни к каким уткам ты больше не пойдёшь!

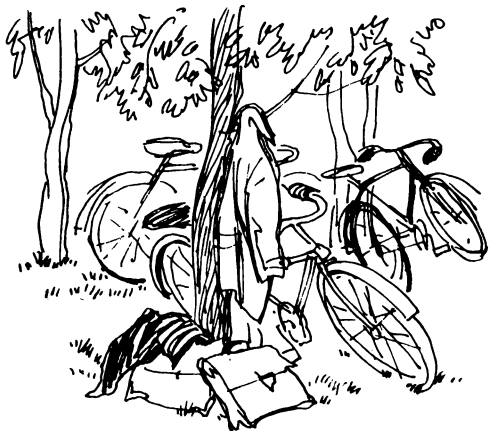
— А утки при чём, что я так задержалась? — отвечала Света. — Нисколько утки не виноваты! Но... если хочешь знать, бабушка, то через несколько денёчков я и сама к уткам больше не пойду! Вот!

От неожиданности бабушка застыла на месте. Молча по-смаatrивала на внуку, точно не узнавая её.

А дело-то обстояло очень просто: работа на опытном участке подходила к концу. На днях Глаша должна была отвезти в институт к Сергею Ивановичу тетрадки, где были записаны все опыты с утятами. В институте сделают нужные выводы.

Тетрадки с результатами опытов отвезут. Но самих утят никуда из совхоза не повезут. Всех утят — и из опытной, и из контрольной группы — передадут в маточное стадо. Потому что из утят получились отличные утки. Они будут нести яйца. Много яиц, из которых выведутся новые утята. То-то была радость, когда ребята об этом узнали!

Только одно очень огорчало Свету и Таню. Ведь скоро им придётся расстаться! Но они непременно будут писать друг другу письма. А на зимних каникулах Таня придет к Свете в гости. Об этом они твёрдо договорились. Они станут дружить долго-долго. Всю жизнь!

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Диночка	5
Летний снег	8
Письмо профессора	11
Распри под окном	17
Пролом в изгороди	24
Странная пещера	29
Тайна	34
Танина мама	38
Вопиющая несправедливость	41
Свист на пригорке	49
Эталон и Столбик	54
«Пусть живут счастливо!»	58
Есть ли воры?	60
Нина Сергеева	64
Маяки	70
Ливень	72
«Как оно там, под водой?»	79
Любина нога	84
Что сушилось в печке	87
Белые перья	90
Тётя Поля делает открытие	96
На пионерском сборе	102
Клубок распутывается	113
В беде не бросают!	115
Они станут дружить всю жизнь	121

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Ваши отзывы о содержании и художественном оформлении книги присылайте по адресу: Ленинград, набережная Кутузова, 6 Дом детской книги Детгиза.

Укажите свой точный адрес и возраст.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

Котляшкова Аделаида Александровна. «Белая сталь»

Ответственный редактор Н. Л. Страшкова, Художник-редактор Ю. Н. Киселев,
Технический редактор З. П. Коренько. Корректоры А. К. Петрова и К. Л. Немкинская.
Подписано к набору 31/III 1982 г. Подписано к печати 13/VI 1982 г. Формат 70×90/16. Печ. л. 8.
Усл. п. л. 9,36. Уч.-изд. л. 5,65. Тираж 115 000 экз. ТП-1982 № 254.
Ленинградское отделение Детгиза. Ленинград, Д-187, наб. Кутузова, 6. Заказ № 615.
2-й ф-ка детской книги Детгиза Министерства просвещения РСФСР. Ленинград, 2-й Совет.
Цена 33 коп.

ЧИТАЙТЕ ЭТИ КНИГИ В ИЗДАНИЯХ ДЕТГИЗА

АСТАФЬЕВ В.
ДЯДЯ КУЗЯ—КУРИНЫЙ НАЧАЛЬНИК
Рис. А. Сурова.
М., 1961. 63 стр.

БАХРЕВСКИЙ В.
МАЛЬЧИК С ВЕСЕЛОГО
Повесть. Рис. А. Борисова.
М., 1961. 110 стр.

ВИРТА Н.
НА СТЕПНОМ РАЗЪЕЗДЕ
Отрывок из повести «Мой помощник Карсыбек». Рис. Е. Ванюкова.
М., 1961. 16 стр.

ВОЛКОВ В.
ТИМКА-НОВОСЕЛ
Повесть. Рис. В. Куприянова.
Л., 1962. 127 стр.

КОРЗИНКИН С.
С ПЕРВЫМ ОТКРЫТИЕМ, КОСТИКИ
Рассказы. Рис. В. Фомина.
М., 1961. 63 стр.

ЛЕБЕДЕНКО П.
КЛУБ ОТВАЖНЫХ
Повесть. Рис. Я. Тамбовкина
М., 1961. 48 стр.

ТИХОМОЛОВ В.
КРЯКА
Повесть. Рис. И. Пахолокова.
М., 1962. 143 стр.

